

Олег РОИ

ИГРА БЕЗ ПРАВИЛ

Олег Рой

Игра без правил

«Олег Рой»

2012

Рой О. Ю.

Игра без правил / О. Ю. Рой — «Олег Рой», 2012

ISBN 978-5-699-54247-5

Модный прикид, дорогие часы, общая ухоженность... Она быстро поняла, что такую рыбку неплохо бы иметь в своих сетях. «Ноги от ушей, третий размер, красота натуральная, да еще и с книжкой в руках... Пожалуй, подходит», – подумал он. Мужчина и женщина сошлись. Но не для любви. Не для «поединка рокового». Каждый воспринимал друг друга как орудие для достижения своих целей. И если ее планы банальны, то его расчет коварен и низок.

ISBN 978-5-699-54247-5

© Рой О. Ю., 2012

© Олег Рой, 2012

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Олег Рой

Игра без правил

Памяти моего сына Женечки посвящается

Глава 1

Дела давно минувших дней

Несмотря на то что произошла эта история в наши дни, вот буквально несколько месяцев назад, начинать рассказывать ее следует явно издалека. Как минимум с детства главных героев – Андрея Куликова и Димы Салапа. Или даже с детства их мам, Лидии и Галины Кошелевых, родных, как нетрудно догадаться, сестер. А лучше и еще раньше, с рассказа о родителях Гали и Лиды, поскольку нередко дедушки и бабушки, их личности и судьба, влияют на нашу личность и судьбу не меньше, а зачастую даже и больше, чем мама и папа. Только мы об этом как-то не задумываемся.

Итак, жили-были две девочки, Лида и Галя. Они с гордостью именовали себя коренными москвичками и имели для этого все основания. Их отец Георгий Андреевич, которого все называли Жорой, родился и вырос в Замоскворечье, в двухэтажном деревянном доме, построенном еще его прадедом, державшим мясную лавку в Охотном ряду. После революции лавку, разумеется, отобрали, а дом, как это тогда называлось, уплотнили, подселив туда разного народа и оставив бывшим владельцам только две комнаты в верхнем этаже. Но так как Жора рано лишился родителей, то по тем временам он считался весьма завидным женихом, поскольку имел *собственную жилплощадь*. В ту пору для многих людей отдельная комната была пределом мечтаний, молодым супругам приходилось чуть не до старости жить в одном помещении с родителями и прочими домочадцами, отгораживая угол для собственного семейного гнезда шкафами и ширмами. А тут – целых две комнаты! И если добавить к этому, что Жора был высок, кудряв, остроумен, лучше всех в округе играл в волейбол и городки и никогда не упускал случая обнажить в улыбке великолепные белоснежные зубы, несложно себе представить, каким успехом он пользовался у прекрасного пола. Тем сильнее было удивление соседских кумушек, когда они узнали, с которой же из девушек Жора наконец решил отправиться в ЗАГС. Его избранницу Лёлю никак нельзя было назвать красавицей – ни стати в ней, ни высокого роста, ни особой грациозности в движениях, ни того пренебрежительного взгляда, которым наделенные эффектной внешностью дамы обычно свысока смотрят на окружающих. Но зато в серых глазах Лёли плясали веселые чертики, темно-русые локоны вились задорными кудряшками, и так же задорно звучал ее звонкий смех, а посмеяться Лёля в молодости очень любила, что называется, пряником ее не корми, дай похохотать. Так и жили молодожены – с шутками и смехом, весело и дружно, вместе справляясь со всеми жизненными трудностями и легко, без ссор и взаимных обид, улаживая любые семейные неурядицы. Жора, как тогда говорили, служил чертежником в конструкторском бюро, Лёля работала в бухгалтерии «Красного пролетария», того же завода, где трудился ее отец Дмитрий Степанович, талантливый инженер, вышедший из бедной простой семьи, но сумевший получить образование и достичь высокого профессионального уровня исключительно благодаря своим способностям. Впоследствии, глядя на внуков, бабушка Лёля часто говорила, что вместе с именами мальчикам передались от предков и черты характера – Дима, с его аналитическим складом ума, основательностью и настойчивой тягой к знаниям, был вылитый ее отец, а практичный и предприимчивый, но бесшабашный Андрей явно пошел в купеческую родню Георгия. Однако не будем забегать так далеко вперед.

Меньше чем через десять месяцев после свадьбы у Жоры и Лёли родилась дочка, которую назвали Лидией. В мае сорок первого года Лидочке исполнилось пять лет, а в июне началась война. И Жора в числе тысяч таких же молодых москвичей, чья жизнь еще только-только начиналась, был спешно призван в армию. Лидочку и Лёлю, которая на тот момент ждала второго ребенка, отправили в эвакуацию в Среднюю Азию. Едва Галя появилась на свет, как ее мать получила похоронку – Жора Кошелев пал смертью храбрых в битве под Москвой, защищая от врагов свой родной город.

С тех пор на плечи Лёли легли все заботы о детях, а на плечи Лиды – заботы о младшей сестренке. Вместе с другими женщинами Лёля под лозунгом «Все для фронта, все для победы!» с раннего утра до поздней ночи трудилась у станка на эвакуированном заводе, изготавливавшем военную технику и снаряды, а по ночам готовила, убирала, стирала и латала изнашивавшуюся с катастрофической скоростью довоенную одежду – новой взять было неоткуда. Времени на детей и у нее почти не оставалось, и Лида, вмиг повзрослевшая не по годам, понимала это и всем, чем могла, помогала матери. Когда через два года семья вернулась в Москву и Лиду записали в первый класс, девочка уже взяла на себя большую часть домашних хлопот. С утра она сама отводила Галю в ясли, потом сама бежала в школу, а вернувшись, наскоро готовила уроки, отправлялась забирать сестренку и проводила с Галей весь вечер, потому что мама приходила с работы поздно. Неудивительно, что первым словом Галочки было не «мама», которую она тогда видела очень мало, а «Дида», то есть Лида. Чем Лидочка очень гордилась, поскольку души не чаяла в младшей сестренке, заботливо опекала и баловала ее – насколько это было возможно в те тяжелые времена.

Все в этом мире когда-нибудь заканчивается, и не только хорошее, но, к счастью, и плохое. Даже страшная война, унесшая столько жизней и искалечившая столько судеб, в один поистине прекрасный майский день пришла к своему завершению. Мирный уклад начал постепенно возвращаться, и жизнь в семье Кошелевых тоже стала понемногу налаживаться. Девочки росли, старшая все так же обожала младшую и продолжала заботиться о ней, сдувая пылинки. Она выучилась шить – специально для того, чтобы как можно красивее наряжать Галочку, вплетала ей в волосы яркие ленточки и не уставала с утра до ночи повторять, какая та хорошенькая. Когда Галя пошла в школу, Лида, часто в ущерб собственной учебе, занималась с ней, а нередко и делала за сестру уроки, чтобы малышка не уставала и не капризничала. И если в доме появлялось что-то вкусное, например конфеты или яблоки, то, конечно, все доставалось только Галочке. Не только мама, но и старшая сестра сами отказывались от лакомств, чтобы порадовать свою любимицу. Надо ли удивляться, что при таком воспитании Галя выросла капризной и избалованной, привыкшей, что все лучшее в жизни достается ей, а все ее прихоти должны немедленно исполняться? Бывают случаи, когда избыток любви так же вредит юному человеку, как ее недостаток, – правда, такое встречается гораздо реже.

Насчет Галиной внешности Лида не ошибалась, девочка и впрямь была очень хороша. Она, как говорится, взяла лучшее от обоих родителей. Высокая, стройная и спортивная, как отец, Галя к тому же унаследовала от матери чудесные темно-русые волосы и большие выразительные глаза. В отличие от сестры, способной и добросовестной, училась Галя весьма средне, звезд с неба не хватала, но зато была бойкой и держалась уверенно, что позволяло ей всегда быть на виду. Стараниями сестры, часами просиживавшей за швейной машинкой, чтобы из перелицованного соседкиного пальто или купленного по случаю отреза ситца в мелкий цветочек создать очередной шедевр, Галя всегда была хорошо одета и оттого еще больше бросалась в глаза. Уже лет с тринадцати она стала следить за своей внешностью, подолгу вертелась перед зеркалом, часто меняла прически, подражая то той, то этой кинозвезде, и потихоньку от взрослых подкрашивала брови и ресницы, бывшие, по ее мнению, недостаточно черными.

После школы, оконченной, правда, без медали, но и без единой тройки, Лида поступила в Московский химико-технологический институт имени Менделеева. В то время фраза Ломоно-

сова о том, как глубоко простирает свои руки химия в дела человеческие, еще никого не пугала – наоборот, активное внедрение химии в легкую и пищевую промышленность считалось величайшим научным достижением. Будучи студенткой, Лида, как и многие ее коллеги, мечтала о том, как будет создавать искусственное волокно, искусственные ткани, искусственное мясо, молоко, фрукты и овощи. Получив диплом, она устроилась на работу в один из недавно открывшихся НИИ, где и принялась с энтузиазмом, как подшучивала над ней Галя, *двигать научно-технический прогресс*. Исследования увлекли ее настолько, что молодая женщина забыла обо всем остальном, включая и личную жизнь. Во всяком случае, так казалось со стороны. На самом деле причина, конечно, была не только в науке. Просто сестра, заботам о которой Лида раньше посвящала всю себя, вдруг как-то совсем неожиданно выросла и перестала в ней нуждаться. А своих детей у Лиды не предвиделось. Не обладающая ни эффектной внешностью, ни уверенностью в себе, которыми славилась Галя, Лидия всегда была застенчива, особенно в общении с противоположным полом, держалась скованно, не умела себя подать и к тому же старалась избегать вечеринок, танцев и тому подобных шумных сборищ, где девушки обычно знакомятся с молодыми людьми. На женихов ей не везло, и с возрастом Лида уже почти с этим смирилась и переключила все свое внимание на науку.

Галя же, напротив, с ранней юности имела большой успех у сильного пола и активно этим пользовалась. При этом ее интересовали только состоятельные мужчины. Если у кандидата в ее кавалеры не оказывалось машины, дачи, квартиры, прибыльной должности или хотя бы хороших перспектив на будущее, то и шансов на Галино внимание у него не имелось. Зато те, кто мог подарить ей золотое колечко или импортную кофточку, угостить какой-нибудь дефицитной вкуснятиной вроде твердой копченой колбасы или консервированных крабов или сводить на модный концерт, вполне могли рассчитывать на ее благосклонность.

Сразу после окончания торгового техникума Галя вышла замуж первый раз – за пожилого снабженца. Однако вскоре после свадьбы ей пришлось убедиться, что в быту ее муж скучен, мелочен, ревнив и, что самое неприятное, невероятно жаден. С последней особенностью молодая женщина уж никак не могла примириться. Она подала на развод и вскоре устроила судьбу снова. На этот раз ее избранником стал Коля Куликов, яркий представитель тогдашней золотой молодежи, сын директора одного из крупнейших столичных комиссионных магазинов. К тридцати годам Коля подрастерял некогда роскошную шевелюру и обзавелся уже заметным брюшком, но все еще был привлекателен и считался (в определенных кругах, разумеется) чуть ли не лучшим женихом столицы. Так что Галя была уверена в том, что ей очень повезло. Тем более что второй брак оказался гораздо прочнее первого. Молодожены вместе работали в магазине Куликова-старшего и совместными усилиями наживали дом – полную чашу. Ссоры и скандалы между ними, конечно, случались, но в какой семье обходится без этого? А при таком достатке и таких возможностях, как у свекра, Галя согласна была закрывать глаза на многие недостатки его сына. Когда на одну чашу весов ложатся битком набитый нарядами зеркальный шкаф-гардероб, шкатулка, полная золотых украшений, деликатесы в финском холодильнике, наличие в семье двух машин, огромная кирпичная дача в ближнем Подмосковье и ежегодный отдых в Крыму, а на другую – некоторая склонность супруга выпить и погулять, нетрудно догадаться, что перевесит.

И вдруг, к несказанному изумлению родных и знакомых, неожиданно вышла замуж и Лида. Ей уже минул тридцать один год, когда она познакомилась на овощной базе с физиком-ядерщиком Борисом и вскоре объявила о предстоящей свадьбе. Но если мама была только рада этому известию, то удивление Гали оказалось скорее неприятным. За эти годы она уже привыкла считать сестру синим чулком, старой девой и неудачницей, прозябающей на жалкую зарплату младшего научного сотрудника без степени, – словом, тем самым серым фоном, на котором она сама смотрелась особенно ярко и удачно. И тут – такая новость! Пусть даже Боря Салап не был завидной партией – ни красоты, ни денег, ни должности, ни связей, ни каких-либо

значительных перспектив у него не имелось, – но сам факт замужества сестры Гале был неприятен. А тут еще, точно ей назло, через год после свадьбы Лида родила сына Диму. До этого Галя и не думала о детях, отговариваясь тем, что *успеется, пока молодые, надо пожить для себя*. По большому счету, ей вообще не хотелось обзаводиться потомством, портить фигуру, возиться с пеленками и вешать себе на шею ярмо на всю жизнь. Но после рождения Димки всю семью Куликовых как прорвало, они наперебой заговорили о наследнике, и Галя, будучи женщиной практичной, смекнула, что еще немного – и она может оказаться в неприятном положении. Рожать, конечно, совсем не хочется, но если она не сделает этого сейчас, муж может уйти к другой женщине, иначе относящейся к детям... Нет, такого развития событий Гале совсем не хотелось. И она, скрепя сердце, решила на ребенка, всей душой надеясь, что у нее будет девочка Леночка, хорошенькая, как картинка. Однако появился Андрей – спустя два года, месяц и одиннадцать дней после рождения Димы.

То, что родился мальчик, а не девочка, Галю здорово расстроило. Она-то собиралась покупать дочке лупоглазых пупсов и красивые платица – а тут вдруг мальчишка, которого и как воспитывать-то непонятно... Так и не сумев перестроиться, Галя первое время относилась к ребенку как к живой игрушке, наряжала сына, как куклу, и наотрез отказывалась состричь его длинные светлые локоны, с которыми Андрей был так похож на девочку.

Обычно, когда в семье два ребенка с небольшой разницей в возрасте, вещи от старшего переходят к младшему, но тут все вышло иначе – посмотрев на узелок с невзрачными отечественными ползунками и блеклыми, полинявшими от стирки, распашонками, который принесла ей сестра, Галя презрительно сморщила носик и раз и навсегда отказалась от Димкиных вещей. Да и зачем они были нужны? С первых дней своего существования наследник рода Куликовых не знал ни в чем нужды – у него были и импортные одежки, и всевозможное детское питание (огромный дефицит по тем временам!), и лучшие игрушки, и не ему от Димы, а Диме от него иногда, так уж и быть, перепадала какая-нибудь вещичка. Вся семья Куликовых надышаться не могла на наследника, ему все позволялось, исполнялись все его прихоти. С Андрюшеньки сдували пылинки, разрешали ему все на свете – и, разумеется, уже с первых лет жизни избаловали его еще больше, чем в свое время Лида избаловала свою сестру.

Диму растили совсем иначе. В его семье не было культа ребенка, но не было и скандалов, неискренности и лицемерия в отношениях. Доходы у Салапов были самые что ни на есть среднестатистические, покупать деликатесы, одеваться в импортную одежду и возить мальчика в поликлинику на собственной «Волге» возможности у них не имелось. Зато оба родителя искренне любили сына и всерьез, с удовольствием, занимались его развитием и воспитанием. И их труды не пропадали даром – Димку без преувеличения можно было назвать модным по тем временам словом «вундеркинд». В три года он уже знал все буквы и цифры, в четыре умел читать и считать, а в пять без труда освоил все четыре арифметических действия. И если в семье Куликовых слово «нельзя» не звучало для Андрея в принципе, то Дима, по большому счету, в нем не нуждался – ему достаточно было один раз внятно объяснить, почему не следует делать те или иные вещи, чтобы он все понял. Борис, который хоть и понаслышке, но хорошо был знаком с историей воспитания Гали, совсем не хотел, чтобы ситуация повторилась и с Димой. Впрочем, и Лида с тех пор стала умнее и, как правило, уступала мужу, когда речь заходила о сыне. Ей, как и Борису, хотелось, чтобы Дима вырос настоящим мужчиной, а не капризным и меркантильным маменькиным сыночком.

Как это нередко случается, в детстве двоюродные братья много времени проводили вместе, поскольку обоих часто привозили к бабушке Лёле. Вся большая семья Куликовых, как уже говорилось, работала в коммиссионке, Салапы также не бездельничали, и, кроме того, через несколько лет после рождения сына Лида начала писать диссертацию. А баба Лёля была уже на пенсии – вот мальчишек и отправляли к ней, когда не с кем было оставить.

У бабушки братьям очень нравилось. Даже, как ни странно, Андрею, хотя здесь ему приходилось на время забыть о своих капризах и истериках. Кидаться на пол и с криком бить руками и ногами, когда ему что-то не позволяли, здесь было бесполезно – бабушка Лёля в такой ситуации просто вставала, звала с собой Диму и выходила из комнаты. Но зато никто здесь с ним не сюсюкал, не умилялся каждому его слову – и бабушка, и брат относились к трех-четырёх-пятилетнему Андрею как к человеку, который имеет право на собственные понятия и взгляды на вещи, с которым можно разговаривать, прислушиваться к его мнению и воспринимать его всерьёз – а не как живую игрушку, которой ему приходилось быть дома. И надо сказать, что хитрый Андрей уже в те годы осознавал для себя преимущества обеих ситуаций и легко умел приспособиться к каждой из них. Дома он старательно изображал из себя эдакого умильного карапуза, крошечного принца, очаровательного в своей детской непосредственности, но при этом ни на минуту не забывающего и не дающего забыть другим, что он – пуп земли. А у бабушки он становился послушным и даже меньше озорничал, потому что за шалости его здесь наказывали лишением внимания, а это для маленького Андрюшки было страшнее всего.

Вскоре после рождения внуков баба Лёля получила квартиру в новом доме в Коломенском. В тех краях, в семидесятые годы больше напоминавших какой-нибудь посёлок городского типа, чем район столицы, и прошла значительная часть детства обоих братьев. Самые интересные их воспоминания были, конечно, связаны с Москвой-рекой и Коломенским парком, его ручьями, холмами, оврагами и родниками – но туда мальчишки попали не сразу. Лет до шести-семи бабушка Лёля не разрешала им ходить одним через дорогу, поэтому гуляли только во дворе, где, впрочем, тоже было неплохо. Как-то так вышло, что хотя в двенадцати-этажном доме-башне детей было много, все они оказались либо старше, либо младше внуков бабушки Лёли, и оттого у братьев имелся только один товарищ по играм, точнее, приятельница – ровесница Андрея Дина Тюлина, шустрая белобрысая фантазерка. Целыми днями троица пропадала во дворе, а позже в парке или на берегу реки, играя в разные интересные игры, которые в основном придумывал Дима. Чем старше становились ребята, тем увлекательнее делались их занятия. Дима рано полюбил читать, увлекался фантастикой и приключениями и умел из каждой прочитанной книги извлечь идею для очередной потрясающей игры. Вчера они, подражая героям Фенимора Купера, превращались в индейцев, сегодня пытались на собственном опыте реализовать какое-нибудь изобретение, вычитанное у Жюль Верна, а завтра, глядишь, собирались отправиться в космос и мастерили где-нибудь на задворках межпланетный звездолет...

В детстве Андрей вовсе не пытался подражать Диме. Но именно *пытался*, а не *подражал*. Потому что одно дело повторять слова старшего брата, копировать его интонации, мимику и манеры (не так уж это сложно) и совсем другое – жить такими же интересами, как другой человек. Дима занимался в секции бокса – Андрей потребовал, чтобы его тоже записали на занятия, но не выдержал и сбежал, столкнувшись с первыми же трудностями. Дима зачитывался научно-популярной литературой, такой, как книги Перельмана, ему выписывали журналы «Наука и жизнь», «Техника – молодежи» и «Химия и жизнь» – Андрей пробовал было все это читать, но, видимо, начал слишком рано, заскучал и бросил. Дима неплохо учился, в основном на пятерки и четверки – Андрей тоже получал хорошие оценки в младших классах, но к средней школе потихоньку скатился на тройки. Не из-за тупости или недостатка способностей, совсем нет, голова у него всегда работала отменно. Просто лень было корпеть над уроками, когда на свете существует столько других интересных занятий. Родители его, конечно, переживали из-за того, что сын неважно учится, но решали эту проблему не занятиями с ним, а при помощи подарков учителям.

Учился Андрей Куликов, разумеется, в престижной специализированной школе с углубленным изучением английского языка. Школа эта, с собственным бассейном и прочими пон-

тами, считалась одной из лучших в Москве, в ней постоянно снимали детские фильмы, видимо, чтобы у зрителей сложилось впечатление, что все советские школы именно так и выглядят. Диму сначала отдали в обычную районную среднюю школу, находящуюся в соседнем дворе, где он и проучился первые шесть лет. Но с седьмого класса, следуя советам педагогов и прислушавшись к настойчивым просьбам сына, родители перевели его в специализированную математическую школу. У Димы был явно аналитический склад ума, и в то же время он не был ограниченным технарем, «специалистом, подобным флюсу», как сказано у Козьмы Пруткова. Мальчик интересовался самыми разными вещами, включая и иностранные языки. Школьной программы по английскому ему было мало, и в свободное время он сам, без каких-либо указаний со стороны родителей, читал книги на английском языке, сначала адаптированные, а потом и оригинальные.

Чем старше становились двоюродные братья, тем заметнее делалась разница между ними. Андрей рос веселым, непоседливым, озорным, а главное, отчаянным авантюристом, из-за чего постоянно оказывался в разных непростых ситуациях. Причем далеко не все его проделки выглядели безобидными. Чего стоила одна только история с вкладышами! В то время среди младших, да и не только младших школьников чуть ли не самой популярной забавой была игра в фантики от импортных жвачек. Эти яркие пестрые бумажки коллекционировали, выменивали друг у друга и даже перепродавали, но главным их предназначением была все-таки игра. На переменах разношерстные стайки ребят собирались у окон и начинали соревнование, заключающееся в том, чтобы ударом по подоконнику перевернуть как можно больше фантиков. Андрей иногда принимал участие в этих турнирах, но чаще с живым интересом наблюдал за ними, чувствуя, что здесь кроются какие-то неплохие возможности обогащения. И однажды, когда он был в шестом классе, ему пришла в голову идея, которую он тут же и осуществил. После школы он подкараулил нескольких третьеклашек, безжалостно отобрал у них все имеющиеся фантики, а через несколько дней загнал эту коллекцию заядлому собирателю из седьмого класса за весьма кругленькую сумму – аж в пять рублей. Однако тайной эта история не осталась. Кто-то из малышни наябедничал родителям, те возмутились, пошли в школу жаловаться, и незадачливый предприниматель оказался быстро вычислен и разоблачен. Вызванная в школу Галя вроде бы огорчилась, но, выговаривая сыну, приводила в основном такой аргумент: «Андрюша, ну зачем ты это сделал? Тебе что, карманных денег не хватает? Так сказал бы нам с папой, мы бы тебе дали сколько нужно!» Отец – тот и вовсе только усмехнулся, когда ему рассказали о происшедшем, поинтересовался размерами выручки от сделки и сказал не без гордости: «Молодец, парень, не пропадет в жизни, моя школа!» Так что, возможно, Андрей и не сделал бы из того случая никаких выводов, если б не двоюродный брат. Узнав о том, что произошло, Димка взял да и скрутил Андрея болевым приемом и держал до тех пор, пока тот не взвыл:

– Ну, хватит,пусти! Так нечестно, ты же сильнее!

– А ты сильнее, чем та мелюзга, – отвечал восьмиклассник Дима, бывший, как помнит читатель, на два года старше кузена и, соответственно, в том возрасте, и выше, и крупнее. – Но тебя это не остановило. Может, теперь поймешь, что обижать слабых нельзя.

Слова и действия старшего брата, всегда бывшего авторитетом для младшего, произвели должный эффект. Сделке был дан обратный ход, деньги Андрей вернул, а фантики раздал пострадавшим. Не очень-то ему хотелось это делать, да другого пути не было – сохранить уважение брата казалось куда важнее.

Дима уже в те годы был совсем другим. Если Андрей постоянно не знал, куда себя деть и чем заняться, то у его брата свободного времени не бывало вообще. Помимо множества разносторонних интересов, о которых уже рассказывалось, в его жизни имелось две самые важные, самые главные страсти – тайная и явная. Тайной была соседка Дина, та самая девчонка, которая жила на одной лестничной клетке с их бабушкой Лёлей. В тринадцать лет Дина как-то неожи-

данно, рывком, повзрослела и превратилась из нескладной белобрысой пигалицы в красивую и модную юную девушку, и с тех пор, вот уже много лет, Димкино сердце не знало покоя. Детские игры с мальчишками к тому времени для Дины уже ушли в прошлое, она больше не носилась с братьями по парку и двору все погожие дни напролет, не делилась с Димкой своими немудреными фантазиями и наивными детскими секретами, а жила своей девчачьей жизнью, которая каждому парню в эти годы представляется чем-то загадочным, наделенным особенным романтическим ореолом. Общались они теперь гораздо реже и уже совсем *по-взрослому* – иногда, когда у нее не было *других дел*, Дина соглашалась посидеть с братьями в беседке во дворе. Они, как и прежде, болтали, шутили и смеялись, но уже не возились, не баловались и разговоры вели тоже совсем другие, не как раньше. С возрастом интересы Дины сильно изменились, теперь она говорила в основном о парнях, о деньгах, о ресторанах, о вещах, делилась с друзьями детства своими мечтами о красивой жизни, о том, как здорово было бы найти богатого хахала, а еще лучше – «свалить на фиг из этой страны». Дина всегда мечтала о Соединенных Штатах, эта страна (она упорно называла ее Америкой) казалась ей истинным раем на Земле.

Слушать все это Димке было очень тяжело. Он понимал, что не способен дать Дине и сотой доли того, о чем она грезит. Но как же быть, если при одном взгляде на нее Димино сердце начинало отчаянно биться, ладони противно запотевали, а кровь отчего-то прилиwała к лицу и, что самое неприятное, к щекам, отчего те делались малиновыми? Дима долго терпел эти мучения, но однажды все-таки решился и, столкнувшись с Диной у подъезда, завел с ней разговор и пригласил сходить завтра в кино. Но Дина в ответ только покачала головой, мол, как-нибудь в другой раз, и убежала по своим делам. А в душе Димы осталась незаживающая рана, которую он потом еще много лет с удовольствием лелеял и растревлял. Как большинство его сверстников, Димка Салап был и очень впечатлителен, и обидчив, и болезненно самолюбив. Хотя и не подавал виду, держал свои страдания в секрете ото всех и никому, кроме бабушки Лёли, о них не обмолвился. Даже родителям, с которыми у него всю жизнь были дружеские и доверительные отношения. Но Дину Тюлину мама и папа недолюбливали, считали, что она вырастет примитивной и ограниченной мешанкой. Слушая это, Димка только усмехался про себя. К сожалению, даже лучшие из родителей иногда не понимают самых элементарных вещей.

Другой явной страстью Димы стала вычислительная техника. В те годы – в начале и даже в середине восьмидесятых – большинство наших соотечественников имело о ней лишь смутное представление, в основном благодаря модной книге братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу» да крылатой фразе из любимого народом фильма «Служебный роман»: «Очень хорошо, что в Швейцарии компьютеры». «Широким кругам общественности» это новое изобретение человечества было почти неизвестно, казалось чем-то далеким, абстрактным и уж совсем ненужным в повседневной жизни. Так, очередная игрушка для ученых и специалистов-инженеров. Однако Дима Салап относился к меньшинству. Как-то раз, когда отец взял его к себе на работу, мальчик заглянул в вычислительный центр – и с тех пор буквально заболел компьютерами. Он донимал вопросами сотрудников вычислительного центра, где с тех пор норовил оказаться при любой малейшей возможности, штудировал специальную литературу, всеми правдами и неправдами доставал зарубежные технические журналы и книги, которые уже мог читать свободно, без словаря. В пятнадцать лет он уже легко обращался с только что появившимися тогда персональными компьютерами, как опытный пользователь, а в шестнадцать написал свою первую программу. И чем больше он узнавал, тем тверже становилась его уверенность, что будущее именно за этими потрясающими интеллектуальными машинами, которые уже и сейчас дают человеку огромные возможности, а дальше все это будет с неимоверной скоростью только набирать и набирать обороты.

Пару раз Дима поделился своими мыслями с братом Андреем, но тот не принял всю эту «научную фантастику» всерьез. Какой смысл думать о том, что будет когда-то, пусть даже и в

самом ближайшем будущем? Все равно до этого еще надо дожить, а пока следует исходить из тех возможностей, что есть сейчас и сегодня. А эти возможности напрямую связаны с таким емким понятием, как деньги. Во время последнего такого разговора Андрей даже попытался поднять Димку на смех, правда, получилось не слишком удачно, старший брат так и не обиделся на младшего, что того сильно огорчило. В подростковом возрасте отношение Андрея к кузену резко изменилось. Теперь он уже не смотрел на Димку снизу вверх, как раньше, наоборот, искал любой повод сам поглядеть свысока и доказать всему миру, что он ничуть не хуже, а даже лучше Димки. Вот только поводы, как назло, не очень-то находились. Попытки вызвать зависть при помощи хвастовства вещами («Глянь, что у меня есть, у тебя нету!») с Димкой не работали, к фирменным шмоткам и прочему, как презрительно говорил Дима, барахлу, он был совершенно равнодушен. Очень показательной в этом отношении стала история с записями «Смоков» – необычайно популярной в те годы английской группы «Smokie». Андрей был в курсе, что брату нравится их музыка (особенно Димка любил песню «Living Next Door To Alice», потому что она напоминала ему о Дине), и, когда ему достали их новые записи, первым делом позвонил брату и сообщил ему об этом.

– Здорово, – обрадовался тот. – Дашь послушать?

– Не-а, – злорадно отвечал Андрей, который долго готовился к этому разговору. – Не дам.

– Почему? – искренне удивился Димка.

– Из вредности. «Вот такое я говно», – процитировал Андрей любимый школьниками анекдот.

– А. Ну, как знаешь, – спокойно отвечал Димка. Тут же перевел разговор на другую тему и больше о «Смоках» не упоминал. Андрюха злился на него за это несколько дней, но к моменту встречи не выдержал и, отправляясь в очередной раз в гости к бабушке, прихватил с собой запись...

В старших классах интересы братьев окончательно разошлись, каждый стал вращаться на своей орбите. В кругу Диминых друзей и одноклассников любили петь под гитару бардовские песни и вести долгие «заумные» (как считал Андрей) споры о книгах, смысле жизни, будущем человечества и прочих тому подобных вещах. Андрюхина компания интеллектуальных разговоров не вела, там были совсем другие интересы – дискотеки, бары, девчонки, шмотки. В их мире все мерилось деньгами. Тот, кто их имел, не важно, откуда и как раздобытые, пользовался всеобщим уважением, тех, у кого их не было, презирали. А так как семья Куликовых не относилась к числу малоимущих, Андрюха в своей среде всегда был на первых ролях. Всегда хорошо одетый, бойкий, веселый (юморной, как у них это называлось), к тому же обладающий привлекательной внешностью, парень всегда был на виду. На него рано начали заглядываться девушки, и Андрею это очень нравилось. В том числе и потому, что наконец-то в его жизни появилась область, где он ощущал свое превосходство над братом. Роль плейбоя Андрея необычайно привлекла, многочисленные скоротечные романы с несколькими подружками одновременно сделались для него чем-то вроде спорта. О своих победах он с удовольствием рассказывал направо и налево, что сильно возмущало Димку.

– Как ты так можешь, Андрюха? – морщился он, услышав очередную историю о том, как какая-нибудь бывшая пассия брата не может примириться с тем, что ее бросили, обрывает телефон, забрасывает письмами и стоит вечера напролет под окнами. – Это ж некрасиво, не по-мужски! Недопустимо так вести себя с девушками. И уж совсем недопустимо болтать об этом.

– Да ладно тебе, старик, – хохотал Андрей. – Ты просто завидуешь моему опыту. Тебе скоро восемнадцать стукнет, а у тебя не то что секса еще не было, ты небось и не целовался-то пока ни с кем!

Дима краснел и отводил взгляд. Слова Андрея попадали в самую точку. Девушки у него до сих пор не было, поскольку в сердце все еще царила Дина. Но еще раз подойти к ней с

предложением встречаться Дима так и не решился, боялся повторного отказа. Зато Андрею все удалось.

Глава 2

Гениальная идея

Незадолго до окончания школы Андрей закрутил роман с Диной. Узнав об этом (а узнать было несложно, оба «влюбленных» не только не скрывали своих отношений, но даже наоборот, активно демонстрировали их, будто старались напоказ), Димка сразу подумал, что брат *закадрил*, как тот выражался, бабушкину соседку специально, исключительно назло ему. Догадался как-то о его чувствах к Дине, в конце концов, чувства – дело такое, как ни скрывай, шила в мешке не утаишь, вот и решил показать брату, кто из них круче (тогда, правда, это слово еще не вошло в обиход, но сути это не меняет).

Прав был Димка в своих подозрениях или нет, узнать ему так и не удалось, во всяком случае, тогда. Но, так или иначе, пару месяцев Андрюха с Диной встречались. И как только все началось, Андрей тут же попытался рассказать брату подробности, в ответ на что Дима с несвойственной ему резкостью попросил его заткнуться. Кончилось дело небольшой потасовкой, чего вот уже несколько лет между братьями не случалось. С тех пор Андрюха вроде бы держал рот на замке, но все равно как-то так получалось, что его роман постоянно мозолил Диме глаза – то брат при нем звонил Дине, то та заходила за Андреем, когда они оба были у бабушки, то идущая в обнимку парочка будто случайно попадалась Димке на улице.

А потом Андрей просто-напросто бросил Дину, как обычно поступал со всеми своими пассиями. И тогда Димке пришлось некоторое время выступать в роли жилетки, утешая обиженную и огорченную девушку. Чувствовал он себя при этом прескверно. Было жалко Дину, но не меньше жаль и самого себя. Сколько раз хотелось сказать Дине, что он давно любит ее, признание так и рвалось с языка... Но Димка не давал себе воли, боясь поставить любимую в неловкое положение. Ему казалось, что очень уж некрасиво это бы выглядело – один брат бросил, а другой вроде как готов подобрать. Да и к тому же, как он отлично понимал, шансов на Динину благосклонность у него немного. Катать ее по кабакам на такси и угощать импортным шоколадом, как это делал Андрюха, Димка возможности не имел. Так все и закончилось. Поревев несколько раз у него на плече, Дина перестала звонить Диме и вскоре совсем пропала из его жизни.

К тому времени, когда случилась эта история, Димка уже был студентом факультета вычислительной математики и кибернетики МГУ. Он поступил туда совершенно самостоятельно, без всякого блата и взяток, даже без репетиторов. Правда, со второй попытки. Первый раз, сразу после школы, для зачисления не хватило одного балла. Профильные экзамены Дима сдал очень хорошо, даже удостоился похвалы от преподавателя математики, но в сочинении сделал две незначительные ошибки, за что схлопотал тройку. Сурово, конечно, но справедливо – все-таки это Московский университет, и требования там соответственные.

Неудача сильно огорчила Диму, поскольку больно ударила по самолюбию. Ведь он привык быть в числе первых, лучших, даже среди своих одноклассников, учеников спецшколы, куда принимали только способных ребят. И вдруг все, ну, почти все, попоступали – а он провалился. Счастье еще, что есть в запасе год до армии, восемнадцать исполнится только в следующем октябре.

В этой ситуации Димку очень здорово поддержали родители. И Борис, и Лида всеми силами старались дать понять сыну, что случившееся – не вселенская трагедия, а лишь повод задуматься и сделать выводы. Вступительные экзамены помогли выявить слабое место в системе подготовки – что же, надо принять это к сведению и начать работать в этом направлении, если хочешь достичь поставленной цели. И Димка согласился с ними. Стало быть, права была Наталья Викторовна, классная руководительница и учительница русского языка и лите-

ратуры, – без ее предмета никуда, какую бы специальность ты ни выбрал. Димка твердо решил, что использует будущий год, чтобы подтянуть русский, и записался на шестидневные подготовительные курсы.

Но курсы курсами, а сидеть на шее у родителей ему было уже неловко. Не школьник ведь, почти взрослый человек. Самостоятельно приняв решение, Димка отправился в вычислительный центр отцовского НИИ, где его давно и хорошо знали, и поинтересовался, нет ли у них вакансии лаборанта. И вакансия нашлась – руководитель отдела не стал упускать возможность взять на работу полного энтузиазма молодого сотрудника, которого и обучать-то уже ничему не надо было, тот многое знал, а все новое схватывал на лету. Так «без малого семнадцатилетний» Дима Салап стал зарабатывать свои первые деньги – целых семьдесят рублей в месяц, сорок из которых он регулярно отдавал маме на хозяйство.

Это был очень непростой год для Димы. С утра – на работу через всю Москву, потом, вечером, подготовительные курсы на Ленинских горах. На дорогу каждый день уходило не менее трех часов, потому что жили Салапы в Новогирееве, а НИИ находился на Преображенке. Единственный выходной в неделю – воскресенье – тоже оказывался забит до предела, даже выспаться не удавалось, слишком много накапливалось дел, которые необходимо было успеть переделать. Но о том, что все вышло именно так, а не иначе, Димка нисколько не жалел. Этот год дал ему очень много, как в смысле становления личности, так и в смысле профессионального опыта. К моменту следующих вступительных экзаменов он был уже не желторотым юнцом только что со школьной скамьи, как многие абитуриенты, его товарищи и конкуренты одновременно, а самостоятельным взрослым, уже работающим человеком и почти что специалистом, не представляющим себе будущую профессию лишь в теории, по книжкам, но знающим ее на практике. Да и курсы помогли – на этот раз сочинение было написано без единой ошибки. Дима Салап без невероятных усилий набрал проходной балл и в августе с радостью увидел свою фамилию в списке зачисленных на первый курс.

Нельзя сказать, что учеба в университете давалась ему слишком легко. Особенно первые годы. Это потом, на старших курсах, когда стали изучать в основном профильные предметы, ту самую специализацию, к которой Димка с детства чувствовал призвание, учиться стало не то что проще, но, во всяком случае, гораздо интереснее. А сначала пришлось массу усилий потратить на второстепенные, общеобразовательные дисциплины, далеко не все из которых, как считал Димка, нужны и полезны. Особенно это касалось общественных наук, истории КПСС например. Ну на фиг она ему сдалась? Из всех обязательных идеологических дисциплин Димке была интересна только политэкономия капитализма. Впрочем, на радость студентам, как раз в то время эти курсы в МГУ стали потихоньку модифицировать и даже отменять, поскольку период Диминого учения пришелся на эпоху глобальных перемен, конец восьмидесятых и начало девяностых. Но Диму, в отличие от большинства других студентов, политика тогда интересовала мало – просто не оставалось на это времени. Он был по горло занят – и учебой, конечно, но прежде всего научной работой. Официально в штате НИИ Димка больше не состоял, но, по старой памяти, постоянно туда ездил, чуть ли не ночи напролет просиживая в вычислительном центре. Смена эпохи БЭСМ¹ на эпоху персональных компьютеров, пришедшая как раз на то время, интересовала его куда больше, чем смена социалистической формации на что-то непонятное, именуемое перестройкой.

При такой загруженности было вроде как-то и не до личной жизни. Тем более что вытеснить из его памяти светлый образ Дины ни одной девушке так и не удалось. Даже несмотря на то, что они не виделись уже несколько лет, с тех пор как в восемьдесят девятом году умерла от инфаркта бабушка Лёля. Практичная Галина давно прописала к ней Андрея и, как только мать умерла, вовремя *подсуетилась* и сумела уговорить на обмен овдовевшую соседку в своем доме,

¹ Большая электронно-счетная машина.

убеждая, что одинокой пожилой женщине будет гораздо лучше жить на меньшей площади рядом с Коломенским парком, чем в «загазованном центре, в огромной квартире, которую у нее все равно нет сил убирать». Так Куликовы увеличили свою и без того немалую жилплощадь ровно вдвое, а Димка лишился возможности видеть свою первую любовь. Однажды, это было уже в начале девяностых, он все-таки отважился и в воскресное утро набрал знакомый номер.

– А Диночки нету, – отвечала ее мать. – Она только позавчера опять за границу уехала.

«Опять за границу!» Получалось, что Дине удалось осуществить свои мечты. Впрочем, что тут удивительного, сейчас все куда-то ездят, а многие и уезжают насовсем...

– Ну... А как вообще у нее дела, Надежда Семеновна? – выдавил из себя Дима.

– Да хорошо. Даже очень. Замуж собирается за иностранца, за своего американца! – радостно прозвучало в трубке.

– Ну что же... Скажите, что я желаю ей счастья.

После таких новостей Дима собрал волю в кулак и ценой невероятных усилий заставил себя забыть Дину. И частично ему это даже удалось. В его жизни появились другие девушки, он приобрел некоторый опыт общения с прекрасным полом, но все это выходило как-то не так, как-то слишком пресно, что ли. Не то чтобы прекрасный пол не интересовал Диму, интересовал, конечно. Но почему-то гораздо меньше, чем компьютеры. И потому даже во время самого что ни на есть романтического свидания ему в голову могло прийти решение какой-либо задачи по программированию, над которой он бился в последнее время. Тогда Дима забывал обо всем, его неудержимо тянуло к компьютеру, чтобы проверить правильность решения. Он наспех попрощался с весьма обиженной таким поведением кавалера девушкой и убегал прочь.

С Андреем в тот период Димка почти не виделся, их общение свелось лишь к традиционным «родственным» встречам несколько раз в год, в основном по праздникам, и вроде бы обоим братьев это устраивало. «Мы слишком разные люди», – говорил себе Дима. И оттого был сильно удивлен, когда кузен вдруг позвонил ему и назначил встречу.

Жизнь Андрея тоже текла своим чередом, и до поры до времени вполне удачно. В отличие от брата никаких трудностей с поступлением в вуз у него не было – родители выбрали для него Плехановский институт и сами решили все вопросы, Андрюха толком даже не знал, как именно, просто четко следовал данным отцом инструкциям: «Пойдешь туда-то, найдешь такого-то, скажешь, что сын Николая Михайловича». Он как должное воспринял то, что, услышав на вступительном экзамене его фамилию, председатель комиссии шепнула своим коллегам: «Тот самый», и то, что спрашивали его совсем не так, как остальных абитуриентов, не то что не задавали дополнительных вопросов, а даже всячески вытягивали, когда он сбивался в ответе.

В институте Андрею нравилось, во всяком случае, там было гораздо лучше, чем в школе. В школе ведь никто не воспринимает тебя всерьез, все относятся как к ребенку, которому и то нельзя, и другое – ни закурить при взрослых, ни в кабак вечером не зарулить, чтобы не поинтересовались возрастом, ни с телкой время провести без риска быть застуканными предками. Зато студент – это уже взрослый человек, которому все можно. В том числе и обзавестись водительскими правами и получить в подарок от отца на восемнадцатилетие собственную тачку.

Учеба Андрея мало интересовала, слишком много было в жизни других, более важных дел. Он знал, что бояться сессии ему незачем – отец все равно все уладит. Предки, конечно, пилили его, не без этого, мол, о чем думаешь, только ветер в голове, что из тебя будет и так далее. Но денег все равно давали, а остальное было не так уж важно. О будущем Андрей старался не думать. Да и что тут думать, когда вокруг непонятно что творится и неизвестно, чем все обернется. Раньше он еще более или менее представлял себе, как сложится его жизнь – закончит свой вуз, получит диплом, родители пристроят на какое-нибудь прибыльное местечко, где он будет зашибать хорошую денюгу и не особенно париться. Однако жизнь начала стремительно меняться, и Андрюха решил, что пусть все идет как идет. Сейчас-то, по крайней мере,

все здорово – сколько кооперативных ресторанов пооткрывалось, сколько шмоток импортных появилось, какие возможности возникли из неиоткуда! Знай пользуйся всеми этими радостями жизни, были бы тугрики.

И он продолжал вести жизнь «мальчика-мажора» и сполна наслаждаться ею, благо средства позволяли, родичи пока держались на плаву. Поселился в новой квартире, которую для него выменяла мать (по фигу, что через стенку от родителей, зато своя!), кутил напропалую, мучил с девчонками. Телки менялись одна за другой – и вдруг все кончилось в один миг. Потому что в его жизни вдруг появилась она. Света.

Надо сказать, что имя это ей совсем не шло. Ну просто ни капельки не подходило. Светлана, ведь она какой должна быть – статной блондинкой, русской красавицей. Голубые, как небо, глаза и румянец во всю щеку, как в старину говорили, кровь с молоком. А эта чернявая, худая, смуглая, карие глазищи вполлица, черные волосы выются жесткими кольцами. Похожа то ли на армянку, то ли на цыганку, то ли на испанку – черт ее разберет.

Но хороша. Так хороша, что, увидев ее первый раз у приятеля на тусовке, Андрюха сразу собрал ее в фокус и тут же потянул приятеля за рукав, мол, отойдем на два слова, важный разговор есть.

– Кто такая? – спросил сразу в лоб.

– Да Светка, соседка моя, вон там живет. – Приятель кивнул в сторону, указывая подбородком на забор через дорогу (дело было на даче). И добавил: – Только ты губы-то сильно не раскатывай. Она девка с претензиями, не дешевка какая-нибудь. Просто так ее в койку не затащишь. У нас все парни к ней клинья подбивали, да никому не обломилось.

– Стало быть, вы рылом не вышли, – самоуверенно усмехнулся Андрей.

Приятель фыркнул:

– Думаешь, у тебя что-то получится? И не надейся.

– Ну, это мы еще посмотрим. – Андрюха привычным жестом поправил волосы и двинулся к качелям, где сидела в обществе двух подруг Светлана.

Во многом приятель оказался прав – взять нахрапом эту крепость не получилось. Все испытанные средства Андрея, которые обычно били влет его знакомых девушек (справедливости ради надо сказать, что и девушки были соответственные), вроде предложений покататься на его машине или сходить в кабак успеха не имели. Светлана в ответ лишь пожала плечами, сказала, что очень занята, и даже отказалась дать номер своего телефона. Но так легко Андрюха сдаваться не собирался. Он постарался покороче сойтись с приятелем и зачастил к нему на дачу с одной-единственной целью – увидеть Свету. Окучивал ее, как сам выражался, целое лето, и постепенно неприступная красавица начала менять гнев на милость.

Было ли чувство Андрея к Светлане любовью? Вряд ли. Скорее всего, он просто впервые столкнулся с равнодушием к собственной особе, и это его здорово задело. До Светы он подсознательно выбирал себе в подруги девчонок определенного сорта – тех, которые прежде всего стремились в жизни к удовольствиям, не осложняя своего существования какими-то иными ценностями, раздумьями и планами, простирающимися дальше субботнего вечера. А Светлана оказалась совсем иной. Она не только всерьез задумывалась о своем будущем, но и постепенно строила его своими руками.

– Я хочу жить нормальной полноценной жизнью, – говорила она. – Не считать вечно копейки, как мои родители, а достойно существовать. Иметь свой дом, хорошую машину, путешествовать, прилично одеваться... Но в нашей стране это невозможно, во всяком случае, пока.

– Ты собираешься эмигрировать? – предполагал Андрей.

– Я не исключаю такой возможности.

– Ну конечно, сейчас многие уезжают...

– Да, но большинство из них уезжает в никуда. Устраиваются какими-нибудь чернорабочими, лишь бы только закрепиться, и надеются, что со временем всего добьются... Но я не

хочу мести улицы или выносить за стариками горшки, пусть даже это и продлится недолго. Я вижу для себя два пути – либо выйти замуж за обеспеченного человека, либо приобрести профессию, которая будет котиrowаться на Западе и позволит мне нормально зарабатывать. Поэтому я и учусь в медицинском. Хорошие врачи нужны всегда и везде. В крайнем случае пройду переподготовку. А английский я уже знаю свободно.

– Значит, ты уже твердо решила, что уедешь? – спрашивал Андрей, не скрывая грусти в голосе.

– Нет, почему? Вовсе не обязательно. Я оптимистка, верю, что и в нашей стране жизнь может измениться к лучшему. Тем более теперь, когда у нас демократия...

Вдохновленный этими словами, Андрей принимался убеждать Свету, что он – именно тот человек, который ей нужен. У него вполне состоятельная семья, к тому же с огромными связями – а значит, он сумеет обеспечить своей избраннице такую жизнь, которую та захочет. Света слушала его сначала недоверчиво, но потом все более и более внимательно. Видя, что дело сдвинулось с мертвой точки, Андрей удвоил и утроил свои усилия, стал засыпать свою избранницу цветами и подарками и в конце концов добился своего.

В ноябре они со Светланой подали заявление в ЗАГС, свадьба была назначена на четырнадцатое февраля, тогда празднование Дня святого Валентина только-только стало входить в моду. Андрей чувствовал себя самым счастливым человеком на земле – вплоть до Нового года, когда Света вдруг сообщила ему, что никакой свадьбы не будет. Как это – не будет? А вот так. Она передумала. И выходит замуж за другого. Кто он, счастливый соперник? Он, к сведению Андрея, очень состоятельный человек, владелец фирмы. А собственный бизнес – это нечто куда более весомое и солидное, чем деньги и связи родителей, правда?

Взбешенный Андрей долго не мог примириться с таким поворотом событий. Появление на его пути к счастью разъезжающего на «Мерседесе» соперника в малиновом пиджаке, с массивной золотой цепью на шее и офисом на Арбате, буквально выбило его из колеи. Он бесился, обрывал телефон Светланы, пытался подкараулить ее и выяснить отношения и успокоился только тогда, когда водитель нового жениха, высоченный бугай с бритым затылком, как следует накомстылял ему по шее.

Вот именно тогда, от боли и обиды, и пришла Андрею впервые в голову идея начать собственный бизнес...

До этого он был уверен, что при таком папе и дедушке, как у него, он, что называется, по определению лучше всех. Еще бы – у директора крупнейшего в Москве комиссионного магазина имелись и деньги, и связи во всех возможных областях. Но это было в прежнюю, советскую эпоху. А теперь времена сменились и на смену социалистическим теневым дельцам и спекулянтам пришли другие люди – такие вот «новые русские» в малиновых пиджаках. И что же теперь – позволить им стать хозяевами жизни, а самому тихо отойти в сторону? Ну уж нет! Не на того напали. Он, Андрей, ничуть не хуже их. И ничто не мешает ему самому заняться бизнесом. И еще посмотрим, у кого получится лучше – у этих качков с одной извилиной в бритой башке или у него, внука самого Михаила Куликова. А если еще вспомнить, что его прадед по матери был купец, лавку в Охотном ряду держал...

Так что решение было принято, и дело оставалось за малым – определиться с областью будущего бизнеса. Понятно, что речь идет о торговле, никаких других вариантов Андрей тогда не рассматривал. Но вот чем торговать? Всякий ширпотреб вроде сигарет, турецкой вареной джинсы или «ножек Буша», как называли тогда жирные ножки бройлерных цыплят, наводнившие российский рынок, потому что сами американцы отказывались их есть, Андрей считал недостойным товаром. Нужно было выбрать что-то более солидное. Может, антиквариат? Пока жив дед, есть с кем посоветоваться и у кого перенять опыт... Нет, пожалуй, антиквариат не подойдет. Тут надо быть отличным специалистом, чтобы уметь отличить подлинники от подделок. Нужно что-то попроще и одновременно более массовое, что будут покупать все подряд, а

не только эстеты – любители старины. Скажем, бытовая техника. Какие-нибудь холодильники, стиральные машины, телевизоры, видеомэгнитофоны... Или компьютеры? А что – не такая уж плохая идея. Димка когда еще ему все уши прожужжал, уверяя, что будущее за электронной техникой. И оно, похоже, так и есть. Сейчас уже во всех уважающих себя офисах норовят персональный компьютер поставить. Так что Димон, вероятно, прав – возможно, и впрямь недалек тот день, когда ПК будет в каждом доме...

Да, идея выглядела очень соблазнительно. И особенно Андрею нравилось то, что под боком имелся крутой специалист в этих самых компьютерах. С Димкиным знанием дела и с его, Андрея, предприимчивостью, они могут горы свернуть! В общем, надо не мешкая браться за дело, а то будет поздно. Правда, последнее время они с Димкой немного разошлись, общаются редко. Но ничего, это дело поправимое. Отношения легко можно восстановить, братья все-таки. И он набрал номер Димкиного телефона и пригласил брата к себе – поболтать, посмотреть новый фильм, да и вообще давно не виделись...

Димка выслушал его, не перебивая, но, когда брат закончил свою пламенную речь, только покачал головой:

– Слишком рискованная идея. И слишком много «но». Создать фирму, снять офис, закупить технику – на это все нужны деньги, и немалые. Где мы их возьмем?

– Найдем где-нибудь! – безмятежно отвечал Андрюха. – Займем, продадим что-нибудь, в общем, придумаем! Знать бы только, где эти компьютеры взять...

– Но это-то как раз ясно. Лучше всего, наверное, в Германии. С Китаем и Тайванем проще, но так называемая «желтая», то есть азиатская, сборка считается хуже «белой» – европейской... Кроме японской, конечно. Японская техника, конечно, вне конкуренции, но ее не купишь. Да и дорого очень.

– Стало быть, Германия? Ну что же, пусть будет Германия. Товар можно через Польшу везти... – Андрей уже готов был строить планы.

– Ну, хорошо, – кивнул Дима. – Допустим, на первом этапе у нас все получится. Зарегистрируем фирму, назанимаем денег, купим технику, привезем сюда... А вдруг ее здесь не раскупят? И что тогда? Тогда мы вылетим в трубу. Причем не просто так, а со свистом, огнем и дымом. И останемся нищими и закопченными. Из чего долги отдавать будем? Нет, Андрюха, не дело ты затеял. Стремно очень.

– Ладно, Димон, мы к этому еще вернемся, – заявил Андрей, понимая, что брату нужно время, чтобы как следует все обдумать. – Давай-ка с тобой пивка выпьем, у меня как раз несколько бутылок чешского есть. И видак посмотрим.

Новый фильм, которым он заманил к себе Димона, по сути, уже совсем не был новым, его сняли за добрых шесть лет до разговора братьев. Но так как голливудское кино в ту пору проникало к нам еще медленно и с трудом, то кассета с этим фильмом появилась у Андрея совсем недавно. Из аннотации он узнал, что сюжет фильма «Джек-попрыгун» как-то связан с компьютерами, и понял, что Димка непременно должен им заинтересоваться. Так и вышло. История о темнокожей девушке, операторе ЭВМ, случайно связавшейся по международной банковской компьютерной сети с рассекреченным агентом британской разведки, очень увлекла Димку. Но и его брата она заинтересовала не меньше. Потому что Диме, который постоянно читал западные журналы и был в курсе всех научных достижений, понятие «Интернет» тогда уже было хорошо знакомо, а Андрей узнал об этом техническом достижении впервые. Димке пришлось прочесть брату небольшую лекцию о Всемирной паутине, ее стремительном развитии на Западе, возможностях и перспективах, после чего Андрей воскликнул:

– Вот! Вот наша цель, то, к чему мы будем стремиться. Торговля компьютерами – это так, промежуточный этап, ступенька на пути к успеху. А главная наша задача – открытие первой в России Интернет-компании. Ты говоришь, у нас еще нет ничего подобного? Но ведь будет?

– Хотелось бы в это верить, – развел руками Дима. – К сожалению, в области высоких технологий мы отстаем от всего цивилизованного мира минимум лет на десять, но...

– ...Но все-таки со временем и Россия войдет во Всемирную сеть! – закончил Андрей.

– В общем-то, первые шаги в этой области уже сделаны. Кое-кто у нас уже пользуется Интернетом, некоторые научные институты... Ну, и спецслужбы, конечно.

– Это не считается! – махнул рукой Андрей. – Я говорю о широком распространении Интернета. Теперь, когда у нас гласность и все такое, Россия обязательно освоит это средство связи. И произойдет это благодаря нам с тобой!

– Ты в этом уверен? – усмехался Димка. Но Андрея уже было не сбить с толку:

– Совершенно!

Димка вылил себе в стакан остатки пива из бутылки, выпил, не замечая вкуса, встал с дивана, прошелся по комнате. Что и говорить, идея брата выглядела весьма соблазнительной... С тех пор как в технических журналах замелькали статьи об Интернете (а в последний год они, что называется, только об этом и писали), Дима тоже сильно заинтересовался этим новшеством, изучал его, выписал себе необходимые книги...

– Нет, это авантюра, чистой воды авантюра, – проговорил он задумчиво, но в голосе уже не было прежней убежденности.

– Димка, ты вот что скажи, – хитрый Андрей знал, на какой струне души брата надо сыграть, – ты ведь сможешь написать нужные для Интернета программы? Конечно, сможешь! Что ты – хуже их буржуйских специалистов?

Дмитрий заколебался:

– Да в принципе, если они уже существуют, их заново писать не нужно, лучше купить. Так во всем мире делают. Хотя поработать кое над чем, конечно, придется, учитывая нашу специфику.

– Ну вот и поработай. Поработаешь?

– Ну... Право, не знаю... – тянул Дима.

Вообще-то в его сомнениях был свой резон, и немалый: никакого опыта в создании подобных вещей не было не только у них, но и, пожалуй, ни у кого во всей стране. Как в итоге поведет себя их детище, предсказать было практически невозможно.

– Ну пойми, это бизнес, а в бизнесе всегда есть риск! – убеждал Андрей. – Кто не рискует, тот не пьет шампанского. Зато мы будем с тобой первопроходцами. Конечно, первопроходцы всегда рискуют. Но в случае удачи им достается все самое лучшее. По праву первых, самых рискованных, самых удачливых. Мы с тобой застолбим настоящую золотую жилу! Которая сулит нереальные прибыли!

Димка лишь усмехнулся. Разумеется, как раз за эти «нереальные прибыли», которые должны были потечь в их карман практически из воздуха, и зацепился авантюрист Андрей. Больше его ничего в этом деле не интересует. Дима хорошо знал своего брата и видел все возможные недостатки будущего альянса, если этот альянс все-таки состоится. Андрюха слишком увлекающийся, слишком легкомысленный, слишком стремится постоянно самоутверждаться... Но у Андрея – и Диме ли было этого не знать? – имелись и неоспоримые достоинства. Такие, как практичность, смекалка, деловая хватка, смелость, ловкость и хитрость. Как раз те качества, которые необходимы для бизнеса и которых так не хватало самому Диме. Один он, конечно, никогда в жизни не решился бы организовать бизнес, а тут есть реальный шанс начать собственное дело. Да какое! Связанное с компьютерами и, даже более того, с Интернетом. Дмитрий Салап – создатель российской электронной сети. Как звучит, черт возьми, как звучит!

– Ладно, я подумаю, – проговорил он наконец. И Андрей сразу догадался, что подобные слова, а главное, интонация, в устах его брата означают согласие.

Разумеется, теоретическая, а заодно и практическая разработка проекта полностью легла на плечи Димы, который трудился над ней с маниакальным рвением. Сам же Андрей занялся тем, что у него отлично получалось с детства, – добыванием денег. По предварительным подсчетам, по проекту, или бизнес-плану, как важно называл Андрей эти их скрупулезные подсчеты (и где он только слов таких набрался, когда успел?), на создание и первичную раскрутку фирмы, аренду помещения, закупку и доставку в Россию. Первой партии товара и все такое прочее должно было потребоваться около двадцати тысяч долларов. Но и прибыль в случае успеха тот же бизнес-план сулил весьма нехилую. Оставалось только ее получить.

Глава 3

Ты помнишь, как все начиналось, все было впервые и вновь...

Легко сказать – двадцать тысяч долларов. Но где их взять, эти злосчастные двадцать тысяч?

Деньги по тем временам огромные. И, соответственно, достать их оказалось не так уж и просто, как представлялось Андрею вначале. Он сильно надеялся на помощь родных – и просчитался. Не то чтобы Куликовы отказали всеобщему любимцу, но вышло так, что на момент создания фирмы наличных денег в семье практически не было, незадолго до этого семейство, напуганное слухами о грядущей инфляции (которая и впрямь наступила), вложило все сбережения в разные ценности вроде золота и антиквариата. Снова продавать все в те дни было крайне невыгодно, так что максимум, что сумел получить Андрюха от родителей и деда с бабушкой, было четыре с половиной тысячи долларов. Кое-что удалось занять у друзей и знакомых, немного добавил Дима, который продал свой потрепанный «жигуленок», доставшийся ему от отца.

Андрей крутился, как мог. Пытался что-то продать, давал в долг под проценты, ввязывался в сомнительные сделки, сулившие быструю и крупную прибыль. Ни о чем этом Дима не знал – брат сделал все, чтобы оградить мозговой центр будущей компании от всяческих финансовых проблем. Даже когда Андрея избили какие-то сомнительные «партнеры», с которыми тот связался по неосторожности и собственному неистребимому авантюризму, Димка был уверен, что брат просто попал в очередную переделку из-за девушки – Андрей не сказал ему, как все было на самом деле.

В конце концов, в результате всех приложенных усилий, собралась довольно внушительная сумма, но до вожаемых двадцати тысяч было еще очень и очень далеко.

Вот тогда-то Андрей решил вложить деньги в недавно открывшийся банк «Чара».

И снова между братьями разгорелись нешуточные споры.

– Слушай, а нас не кинут? – выступил Дима в привычной для себя роли сомневающегося. – Возьмут деньги, выдадут липовый договор, а потом смоются куда-нибудь за бугор.

– Не кинут! – Роль рискованного первопроходца была Андрею куда как привычна. В ней он чувствовал себя гораздо лучше, чем в роли колеблющегося и все взвешивающего прагматика. – Туда знаешь, какие люди вложились? Пугачева, Никита Михалков, Ахмадулина, Фридман... Весь цвет нашей культуры. Так что дело верное. А процент какой! И выдают его день в день. Так что вложимся, наваримся – и быстренько унесем ноги.

– «Чара»... – продолжал недовольно ворчать Дима. – Название-то какое жульническое. Не то пьют они там этой чарой на наши деньги, не то лохов очаровывают. Не верю я им. Сомнительная лавочка.

– И напрасно не веришь. Ты только посмотри, сколько сейчас вокруг этих самых, как ты говоришь, «лавочек» пооткрывалось! «Тибет», «Хопер-инвест», «Юпитер-Альфа», «Светлана», «Гермес»... Все это – современные банки, не то что затхлый совковый Сбербанк. Проценты выдает жалкие, помещения убогие, сотрудники неприветливые... Монополист чертов. Вот увидишь, что он не выдержит конкуренции. Ведь сейчас надо действовать! Только так, по-современному. Время такое, сейчас не заработаешь – после волосы на себе рвать будешь. Ведь время это пройдет. Прозеваешь – другие все захпают, лучшие куски расхватают. Да что там... Смотри, как «МММ» раскручивается, какую они клевую рекламу запустили, как лихо ведут дело...

– Ну, «МММ», пожалуй, – неохотно согласился Дима, – эти действительно работают грамотно. Реклама, название, логотип... И обороты наращивают уверенно.

– Вот видишь, – победно посмотрел на него Андрей, – перемены, брат, всякие там реформы всегда вызывают недоверие. Но только вперед! Через тернии к звездам! Такова участь первопроходцев! – с пафосом заключил он. – Так что? Рискнем?

– Рискнем... – неохотно согласился Дима. – Хотя, как мне кажется, лучше все-таки в «МММ»...

На следующий день они собрали всю имеющуюся наличность, что-то около восьми тысяч в долларовом эквиваленте, и отнесли в «Чару», расположившуюся на тихой Второй Тверской-Ямской улице, неподалеку от метро «Маяковская».

Братьев поразило число людей, толпившихся в зеленом тенистом дворике. Благодаря рекламе, которая в тот период то и дело шла по телевизору, они представляли себе, что придут в уютный пустой офис, где их встретят с распростертыми объятиями симпатичные девушки, удобно усадят, предложат выбрать кофе или чай... Какой там чай, какой кофе, какой пустой офис! Во дворике толклось не меньше тысячи человек!

После некоторых расспросов выяснилось, что здесь две очереди. В одной стояли счастливые опытные вкладчики, уже получающие проценты со вложенного капитала, а в другой, которая была подлиннее первой раз этак в десяток, томились люди, жаждущие вложить свои деньги под эти самые вожаделенные проценты. Время от времени активисты устраивали переключку и безжалостно вычеркивали из списка фамилии тех, кто не откликнулся. Никаких «я отойду на минутку, скажите, что я за вами» тут не признавалось.

– Это надолго, – мгновенно оценил ситуацию Андрей. – Ладно, ты иди занимайся делом, а я постою и открою счет.

– погоди, как это ты останешься один с такими деньжищами? – обеспокоился Дима.

– Здесь все такие. И поверь мне, с куда большими, чем у нас с тобой, деньгами. Ребята, вы последние? – спросил он у невысокого бородатого парня, о чем-то разговаривающего с другим – высоким, очень модно одетым и смазливый, как модель из импортного журнала.

– Вроде мы, да, Никита?.. – отозвался смазливый, вопросительно поглядев на своего собеседника.

– Вы держитесь за нами, а пока запишитесь вон у той женщины... – подсказал бородач, – тут очередь строя.

Вечером Андрей позвонил Диме.

– Все в порядке, мы с тобой полноправные вкладчики «Чары». Через месяц можно получать процент. Кстати, я разговорился с ребятами, ну, за которыми стоял. Их зовут Матвей и Никита, они только что геологический в МГУ закончили. Интересные парни и очень толковые. Так вот, они уже почти во все банки и компании вложились. Понемногу, конечно, но уверенно. Они «МММ» советуют. Никита туда все сбережения матери отнес, а она у него, как я понял, баба небедная... Вот тебе и олухи-геологи. Когда надо – соображают.

Дима слушал его вполуха, мысли его крутились вокруг алгоритма программы, над которой он как раз работал, – будущей страницы в Интернете. Их собственной с Андреем страницы во Всемирной паутине!

В «Чаре» действительно исправно платили ежемесячные проценты, и Андрей, довольно потирая руки, столь же исправно переводил полученные рубли в доллары. Теперь это было делать куда проще, чем еще каких-нибудь несколько лет назад, Москва просто кишела обменными пунктами, и он теперь отлично знал, в каком из них выгоднее всего совершать обмен. Купленные доллары он незамедлительно добавлял к основному вкладу.

– Благосостояние растет, как на дрожжах, – с удовлетворением говорил он, – даже жалко будет забирать. Может, покрутим денежки как следует? Деньги в рост – удачу за хвост.

– А как же наша фирма? Наш «МКИ» – «Мир компьютеров и Интернета»? – резонно вопрошал Дима.

– Да, да... – рассеянно кивал Андрей. – Ладно, еще немного – и начнем.

Дима продолжал работать над программами, Андрей же не на шутку увлекся наращиванием капитала. Изыскивал всяческие хитрые ходы, научился грамотно заключать так называемые фьючерсные сделки, то есть покупал доллары по курсу на сегодняшний день и продавал их через месяц, когда они стоили уже значительно дороже. Он даже не роптал на многочасовое стояние в очереди во дворике «Чары», завел там, кроме геологов Матвея и Никиты, кучу новых знакомых. Они занимали друг другу очередь, делились всяческой полезной информацией и, самое главное, обменивались все новыми и новыми возможностями легкого и быстрого обогащения.

Словом, Андрюха полностью нашел себя в бурном мире растущих как грибы финансовых компаний, калейдоскопе роста и падения курса валют (хотя это-то, пожалуй, было самым нехитрым делом, ибо рос только один курс – доллара, а евро тогда еще не было и в помине), выгодных обменных пунктов, фьючерсных и иных хитрых сделок. Он так и продолжал бы вращаться на этой увлекательной и заманчивой орбите, если бы не Дима, с завидным постоянством напоминавший ему об их детище.

– Хватит тебе заниматься этим ростовщичеством, – ворчал он на брата. – Ведь у нас уже набралась нужная сумма, пора и настоящим делом заняться. «МКИ» не ждет, – многозначительно добавлял он. – Вот увидишь – промедлим еще немного, и кто-нибудь займет эту перспективную нишу.

– погоди, еще рано забирать вклад. Так хорошо все крутится! Мы уже здорово приподнялись. И компьютер я тебе купил, и на текущие расходы тебе даю. Подкармливаю, как какого-нибудь тамагочи. Не буду ухаживать – ты и ноги протянешь, – смеялся Андрей. – Лучше накопим побольше, и тогда сможем и партию компьютеров покрупнее закупить, и офис приличный арендуем. Лицо фирмы – гарантия успеха, – подкреплял он свои доводы свежесочиненным афоризмом.

Но мысль о том, что кто-то первым захватит *их* нишу, застолбит *их* золотую жилу, начнет разрабатывать *их* золотое дно, не давала покоя и Андрею. Он понимал, что в случае удачной раскрутки Интернет-компании доходы, которые приносила им «Чара», померкнут перед теми дивидендами, что начнут поступать от фирмы. Пожалуй, этот аргумент перевесил все остальные. Андрей решил.

Как-то он заявился к Диме домой и, хитро улыбаясь, сказал:

– Хватит таращиться в экран – зрение посадишь. Давай собирайся – покажу кое-что...

– Что такое, – всполошился Дима, – куда собираться? У меня на сегодня столько намерено сделать...

– Успеешь, – бесцеремонно отмахнулся Андрей, – я тут кредиторов нашел, вполне нормальных, продвинутых людей. Во всяком случае, шкуру содрать они не норовят. Показал Арнольду, их финансовому директору, наш бизнес-план. Он мужик толковый, я его знаю, мы с ним в сауну пару раз заваливались... Ну, в компании... В общем, ему понравилось. Десять тысяч баксов, не глядя, выдали. Не зря мы над этим планом столько мучились!

Дима промолчал, хотя, по правде говоря, мучился над бизнес-планом практически он один, Андрей лишь давал всякие ЦУ и делал кое-какие поправки. Хотя если подумать, то нелегкое бремя текущих финансовых расходов лежало именно на Андрее, он действительно – крутился...

Как сам бы он сказал: кручу и кручусь...

Андрей вдруг оживился:

– Арнольд анекдот рассказал в тему: стоит «новый русский» на балконе своего роскошного коттеджа, весь в таком понтовом прикиде, на пальцах «гайки», на шее «голда» толщиной

в руку, во дворе шикарный «шестисотый» «мерин». А мимо идет простой такой работяга и говорит: «У-у-у, богачи чертовы. Это вы все у народа украли!» А «новый русский» ему так благодушно: «Да что городишь, мужик, откуда же у народа столько денег?»

Андрей довольно захохотал:

– Сечешь?

А потом тут же посерьезнел и покачал головой:

– Ну, и ты, конечно, прав, пора деньги из «Чары» забирать. Знаешь, слухи всякие пошли, лучше от греха подальше. Бакс карман не трет. И Матвей говорит, что пора...

– Какой Матвей? – машинально спросил Дима, входя в лифт.

– Да я тебе рассказывал... Ну, эти геологи... Матвей и Никита. Они в этом деле секут. Матвей деньги своей матери из «МММ» уже забрал. Очень прилично наварили, она себе зубы сделала, «голливудский оскал», и в Египет поехала...

– Какие зубы? Какие геологи? Какой Египет?.. – в смятении бормотал Дима, ничего не понимая. Но они уже ехали в почти новой иномарке Андрея куда-то в сторону центра. В окнах мелькали оживленные улицы, пестрые кооперативные киоски с китайским и турецким товаром, желтые вывески обменников с крупными черными цифрами курса валют, стихийные рынки, где торговали чем попало – от фальшивого «Адидаса» до спирта Royal, недавно обретшего наряду с водкой «Распутин» самую широкую популярность в народных массах. Москва шумела, бурлила, как всегда, куда-то спешила, перебегала улицу на красный свет, назначала свидания и деловые встречи, опаздывала, ломала старые здания и наспех возводила какие-то немыслимые стеклянно-зеркальные сооружения с башенками, ставила новые, поражающие масштабами своей курьезности, памятники и стыдливо убирала старые... И, как ни странно, перемены ей шли, молодили, бодрили, усиливали и без того головокружительный темп ее жизни.

Наконец они затормозили в одном из переулков Замоскворечья.

– Выходи! – деловито скомандовал Андрей и царственным жестом указал на старинный, довольно обшарпанный особнячок с облупленными колоннами. – Ну, как тебе?

– Да вроде ничего, – неуверенно сказал Дима, – ты что, купить его собираешься? – попытался пошутить он.

– Возможно, со временем и прикуплю, – невозмутимо ответил Андрей. – Пока же я показываю тебе, как равноправному партнеру, наш офис. Разумеется, не весь особняк, но несколько помещений в нем я снял в аренду. Поставим все необходимое, откроем свой первый магазин, наберем штат. Конечно, пока по минимуму. В общем, смотри, решай – и за дело. Но помни, что в этом здании, как в солдатском ранце, лежит наш маршальский жезл.

Афоризм вышел длинноватым, но, похоже, Андрей был им доволен.

Дима тоже остался доволен увиденным. Помещение было подходящее: одна большая комната под торговый зал и несколько поменьше – под рабочие помещения. Окна с широкими подоконниками смотрели в тихий зеленый переулок. Ничто не отвлекало и не мешало сосредоточиться. Здесь, конечно, будет работать гораздо лучше, чем дома, в однокомнатной квартире, которую Дима делил с родителями.

– Годится, – решительно кивнул он. – А по деньгам проходим?..

– Все в ажуре, – заверил его Андрей, – говорю же, из «Чары» вклад забираю, а там у нас о-го-го сколько. Да плюс кредит десять тысяч деревянных, как раз нужная нам сумма собирается.

Андрей еще раз обвел взглядом их помещения.

– А здесь нам будет хорошо. Тут еще несколько фирм офисы снимают. Такие люди!.. В малиновых пиджаках, вот такие золотые цепи, на иномарках подъезжают... – Он прищурился и хлопнул Диму по плечу. – Ничего, скоро и мы с тобой устроим себе малиновые пиджаки – и малиновую жизнь!

Они еще раз обошли комнаты, прикинули, как оптимально разместить здесь их офис, осмотрели подвальное помещение, в котором предполагалось устроить склад. Обоих приятно будоражила мысль, что они стали владельцами собственного офиса, что это только начало, и, разумеется, будущее рисовалось им в самых радужных тонах.

– В общем, уже завтра можно будет ехать регистрировать фирму, – опустил из заоблачных высот на землю Андрей. – Сделаем так: пятьдесят процентов будут у тебя, пятьдесят – мои. Будем владеть этой компанией на равных правах. Согласен? Или нет... Пожалуй, есть идея получше. Давай сделаем так – у тебя сорок девять, и у меня сорок девять.

– А оставшиеся два процента кому? – не понял Димка.

– А никому. Пока. Это будет золотой запас. На всякий случай. Может, обстоятельства сложатся так, что будет нужно, чтобы контрольный пакет акций оказался в чьих-то одних руках. Или мы решим продать эти акции кому-то третьему... Как ты на такой вариант смотришь?

– Можно и так, – пожал плечами Дима.

На самом деле в тот момент ни Андрей, ни Дима еще даже четко не представляли себе, что значит контрольный пакет акций. Но очень уж им нравилось щеголять подобными терминами и чувствовать себя важными солидными людьми, настоящими капиталистами.

На другой день Андрей отправился в «Чару». Был погожий осенний денек, и оттого дворик, где размещался банк, был как-то особенно живописен. Еще на подходе Андрей заметил Матвея. Тот сидел на ящике у стены, на коленях у него лежал кейс, на крышке которого Матвей деловито рассортировывал стопки долларов. Рядом рабочие ремонтировали лестницу в подвал и с нескрываемым интересом поглядывали на шикарно одетого красавца, запросто выловившего на всеобщее обозрение деньги, за которые этим же работягам надо было вкалывать несколько лет. Да и то не факт, что заработают...

– Привет финансовым воротилам! – дружески поздоровался Андрей. – Что, неужели вынули бабло? – с любопытством спросил он, кивнув на доллары.

– Да нет, еще не забрали, – хмуро отозвался Матвей, – хотя пора бы. А пока это наш очередной вброс. Что-то Никита с фьючерсом запаздывает, а очередь уже подходит.

– А вон он, легок на помине... – кивнул Андрей на вход во двор, в котором показался бородатый Никита.

– Несу, несу! – еще издали крикнул Никита.

– В «Бест-банке» провозился, – пояснил он, протягивая руку Андрею. – Привет! Вот деньги. – Он отдал другу несколько стодолларовых купюр.

– Ладно, я пошел. – Матвей двинулся к колышущейся очереди.

– А я сегодня все заберу, – с сожалением сообщил Андрей Никите. – Хотя и жалко. Все-таки так хорошо растет...

– Жалко, – согласно кивнул тот, – но Матвей говорит, что сматываться пора. Еще один оборот, и мы тоже заберем. Слушай, – заговорщицким тоном сказал он, наклонившись к Андрею и ссутулившись больше обычного. – У нас тут очень интересный вариант наклеивается. Есть одна пожилая женщина, у нее цветочный бизнес. Так вот, она берет у людей деньги под хороший процент, вкладывает в свое дело и возвращает регулярно и в срок. В общем, дело у нее идет неплохо... Ну, то есть процент платит. Все аккуратно, без очередей. – Он пренебрежительно кивнул в сторону толпы у входа, в которой растворился Матвей.

– Значит, вы к ней тоже вложились? – заинтересованно уточнил Андрей.

– Да так, немного, – неопределенно ответил Никита. – Если интересно, ты звони, телефоны мой и Матвея ты знаешь... Мало ли, вдруг лишние деньги появятся. Мы за тебя словечко замолвим. У нее клиентура солидная, она абы кого не берет... Зайдешь к ней, чайку попьешь, поговоришь о том о сем. Без этого, к сожалению, нельзя, она любит потрепаться. Посидишь, поболтаешь, а потом она вытаскивает свою книжечку, смотрит, что и как, – и выдает деньги.

– Любопытно. Я позвоню, – пообещал Андрей. Попрощался, пожал Никите руку и пристроился в хвост очереди...

Сумма, которую не без сложностей выдала «Чара», оказалась действительно солидной. На радостях братья заплатили за аренду помещения на год вперед, закупили необходимое оборудование для магазина и офисную мебель, начали наводить справки по поводу закупок товара. А через несколько дней узнали, что «Чара-банк» прекратил выдачу денег по процентам. Матвей и Никита, с которыми созвонился Андрей, потеряли на этом огромные суммы. Затем с треском и скандалом посыпались и другие, не менее известные, финансовые пирамиды. Народ забурлил и вышел к зданиям новоявленных банков, к офису «МММ», воззвал к правительству, но денег своих легковверные вкладчики так больше никогда и не увидели. А Андрей и Дима, по выражению бабушки Лёли, обеими руками перекрестились, как же им повезло...

Время шло, и наконец настал счастливый день – братья получили документы о регистрации их компании «МКИ». Радости не было предела – все оказалось не так сложно и даже не так долго, как они предполагали. Теперь они стали бизнесменами, у них собственное дело! И Дима, и Андрей страшно гордились новым статусом.

Без особых сложностей прошла и закупка первой партии компьютеров. Дмитрий давно вращался в кругах специалистов и владел нужной информацией. Так что, по большому счету, ничего и мудрить не пришлось – братья просто съездили в Германию, заключили там договор с производителем и оформили доставку через Польшу. Самым сложным в этой цепочке оказался процесс растаможивания товара на границе – но и с этой задачей новоиспеченные предприниматели сумели справиться.

Первая партия компьютеров разлетелась мгновенно, толком не успев доехать до магазина в Замоскворечье. ПК в России тогда было очень мало, и раскупали их весьма охотно, хоть и использовались они исключительно для оснащения офисов. Домой компьютеры приобретали лишь немногочисленные специалисты, остальные, простые граждане, не видели для себя никакого смысла в обладании столь дорогой, но, как им казалось, бесполезной вещью. Ведь эпоха массового увлечения виртуальными играми (не говоря уже о виртуальном общении) тогда еще не наступила.

С первой продажи учредители компании отлично посидели в ресторане, где Андрей подцепил очередную телку, а Дима на радостях так наклюкался, что на следующий день ничего не мог вспомнить. Далее последовала покупка второй партии, разошедшейся не менее успешно, чем первая. В общем, жизнь постепенно налаживалась. Суеверный Дима даже стал поговаривать, что это не к добру – такое везение, мол, жди какого-нибудь подвоха...

– Накаркаешь, – пренебрежительно морщился Андрей. – Перестань. Все ведь хорошо. А раз хорошо, значит, плохо быть не может.

Оказалось, что может.

Дима действительно накаркал.

Их щедрые кредиторы опомнились и ни с того ни с сего пригласили их на встречу. До них наконец дошло, что бизнес Андрея и Димы будет связан с Интернетом.

– Послушайте, о каком, типа, Интернете вы говорите? – раздраженно вопрошал Арнольд, тот самый «задушевный друг» Андрея, любитель сауны и анекдотов. – В России на данный момент всего несколько тысяч человек имеют компьютеры.

– Гораздо больше, – возражал Андрей.

– ...И число владельцев растет в геометрической прогрессии, – поддерживал брата Дима. – В том числе они покупают ПК и у нас.

Но на их кредитора эти доводы не произвели ни малейшего впечатления.

– Мы погорячились, выдав вам кредит, – холодно заявил он, и стекла его очков металлически блеснули. – И требуем его немедленного возвращения. А поскольку времени со дня выдачи уже прошло достаточно, вы обязаны вернуть нам не только всю сумму, но и проценты.

В ваших же интересах сделать это как можно быстрее. Иначе, как говорится, поставим на счетчик...

– Арнольд Петрович, погодите, а как же наш договор? – запротестовал было Андрей.

– Договор? – усмехнулся Арнольд Петрович, и очки его на этот раз блеснули прямо-таки ножевой сталью.

Он взял со стола листки договора и небрежно порвал их.

– Никакого договора нет. Есть долг. Ваш – нам. И чем быстрее, тем лучше, – конспективно напомнил он. – А иначе... – последовала новая ледяная усмешка, которой слаженно аккомпанировали очки. – Что-что, а вот долги мы... – он помедлил, выбирая самое точное слово, – выбивать умеем.

Стоит ли говорить о настроении, с которым братья покинули еще недавно казавшийся им таким гостеприимным кабинет? Они понятия не имели, как будут отдавать долг. Сумма, приготовленная для закупки третьей партии товара, лишь слегка перекрывала начисленный Арнольдом процент. Стало быть, нужно было раздобыть где-то еще почти десять тысяч долларов. Целых десять тысяч! В те времена на такие деньги можно было купить квартиру в Москве.

– Ты говорил, что этот Арнольд чуть ли не твой задушевный приятель. Вы с ним в сауну вместе ходили... – горестно воззвал Дима.

– В бизнесе друзей нет, – мрачно ответил Андрей. – Вот черт! Сколько раз я слышал о таких историях! Когда дают в долг деньги, позволяют начать бизнес, немного приподняться, а потом раз – и забирают все. Теперь и фирму, и офис, и весь товар придется им отдать! И то останемся должны.

Дима невидящим взглядом смотрел в монитор. Что ж им теперь делать? Кредиторы у них, похоже, суровые, такие и в асфальт могут закатать. Впрочем, вряд ли, просто закопают где-нибудь в Подмоскowie. Вон, вся криминальная хроника кишит подобными историями, «МК» прямо-таки смакует их. Да что там говорить, он сам не раз слышал отдаленные ночные перестрелки, видел быковатых парней с бритыми затылками. Они, как правило, щеголяли в спортивных штанах и кожаных куртках. Дима еще удивлялся – откуда только взялись? Вроде раньше у людей таких затылков не было. Прямо как с другой планеты...

Его невеселые раздумья прервал резкий и какой-то угрожающий, как ему показалось, телефонный звонок.

– Ну вот, начинается... – обреченно пробубнил он и нехотя поднял трубку.

– Дмитрия Борисовича будьте добры, – услышал он звонкий и какой-то очень знакомый женский голос.

– Я слушаю...

– Димка! Привет, сколько лет, сколько зим! Я тебе домой звонила, так мне твоя мама телефон офиса дала. Так ты теперь крутой стал, у тебя свой офис? Ну что ты молчишь? Алло!

– Простите, – с недоумением проговорил Дима, – а с кем имею честь?

– Ну вот, всего-то пять лет не виделись, а он уже не узнает... – насмешливо вздохнула его собеседница.

– Дина! Это ты! – потрясенно завопил Дима. У него отлегло от сердца. – Ты же за границу уехала! Говорили, замуж вышла за американца.

– Ну да, я уезжала... А вот приехала и решила старых поклонников повидать, – засмеялась Дина. – Как вы? Как Андрей? Впрочем, расскажешь все при встрече. Как насчет сегодня вечером в ресторане «Националь»? Столик я сама закажу. На троих. Вдруг Андрюха тоже сможет? Было бы здорово повидать вас обоих!

– Конечно, Дина, я постараюсь... В смысле, мы постараемся...

– Ну вот и отлично! Значит, в девятнадцать ноль-ноль в «Национале».

Столик, заказанный Диной, оказался у окна, из которого хорошо просматривалась Манежная площадь, свидетельница недавних многотысячных манифестаций и пламенных

речей ораторов самого разного толка. Однако друзья детства говорили вовсе не о политике и не обсуждали перемены, произошедшие в стране, – слишком много перемен произошло за эти пять лет в их собственной жизни.

Сначала рассказывала Дина – на удивление похорошевшая, загорелая, цветущая и явно ни в чем не нуждающаяся – к ресторану она подъехала на новенькой иномарке, была разодета в норковую шубку и сверкала таким количеством золота и драгоценностей, что при взгляде на нее рябило в глазах. Братья накинулись с расспросами – ведь с самой смерти бабушки Лёли они не видели Дину, ничего не знали о ней и понятия не имели, как сложилась ее судьба. Довольно улыбаясь, Дина рассказала им, что познакомилась через брачное агентство с состоятельным американцем, вышла за него замуж, родила в прошлом году дочку Жанну и теперь живет в Соединенных Штатах, лишь изредка наезжая в Москву. И еще они много путешествуют, она за эти годы чуть ли не весь мир объездила. Рассказ подтверждался несколькими фотографиями, сделанными в разных точках земного шара, – Дина на фоне Эйфелевой башни, Дина у подножия пирамид, Дина в венецианской гондоле...

– Неужели? Кто бы мог подумать... – разводил руками Андрей.

– Приятно видеть, что Америка тебя совсем не изменила, – улыбался Димка. – Даже акцента не появилось.

– Стараюсь, – усмехнулась Дина. – Ну что мы все обо мне да обо мне? Вы-то как? Вы теперь, получается, «новые русские», как в анекдотах?

Увы, братья никак не могли ответить на ее рассказ столь же красивой и оптимистичной историей. Некоторое время помывшись для приличия, они все-таки поведали своей подруге о том безвыходном положении, в котором они очутились. Тут уж было не до анекдотов о «новых русских» – им и впрямь было невесело.

Выслушав братьев, Дина весело покачала головой:

– Всего-то несчастных десять штук «зеленых»? Ребята, да что вы паритесь! Достану я вам эти деньги, попрошу у своего, у Толи, в смысле, у Тони, я его Толей называю, так прикольное... У него знаете сколько бабла? Десять кусков для него – так, мелочь по карманам.

– Неужели он даст? – засомневался Дима.

– А на сколько? И под какой процент? – стал уточнять Андрей.

– Да даст, конечно! И без всяких процентов! Он у меня выпить очень любит, а как выпьет – у него такая любовь ко мне просыпается! Что хочешь у него проси – все сделает, ни в чем не откажет. Я этим уже давно пользоваться научилась – леплю его, как пластилин. За время семейной жизни уже четыре машины сменила, квартиру купила матери, племянника отправила учиться в Лондон. Вот и вам помогу – вы же мне как братья стали за столько-то лет!

– Но как же ты перешлешь сюда деньги из Штатов?

– Ой, да ладно! Придумаю что-нибудь...

Слушая ее, братья испытывали сложные чувства. С одной стороны, встреча с Диной могла обернуться для них настоящим подарком судьбы, обещанные ею деньги только что с неба не падали. Но с другой стороны – как-то это было слишком стремно. Андрей с тревогой вспоминал поговорку о бесплатном сыре, Диме казалось, что братья деньги у женщины – это как-то некрасиво, не по-мужски. Тем более у Дины... Все-таки он по-прежнему испытывал к ней пылкие и далеко не братские чувства. Увы, приходилось мириться и с этим. Воспоминание об усмешке Арнольда, человека в каких-то очень опасных очках, заставляло братьев быть покладистыми.

Дина действительно как-то решила вопрос с передачей денег и уже через неделю, как и обещала, вручила конверт Андрею. Он заверил ее, что, как только их дело встанет на ноги, он обязательно все вернет, и даже с процентами, но Дина только махнула рукой, мол, забудь, словно она одолжила ему не десять тысяч баксов, а всего-то двадцать рублей на мороженое.

Проблема с Арнольдом была решена. Братья вздохнули с облегчением.

Что ж, неудачи только прибавляют опыта. Все эти передраги, связанные с накоплением первоначального капитала и становлением компании, сделали новоявленных бизнесменов мудрее и осмотрительнее.

Глава 4

Гуд бай, Америка!

В самом конце шестидесятых годов прошлого столетия на площади трех вокзалов стояла, разинув рот в прямом и переносном смысле этого выражения, высокая девушка лет восемнадцати из категории, которую в голосовых объявлениях метро вежливо именуют «гости столицы». До этой минуты всю свою пока еще такую недолгую жизнь девушка, ее звали Надей, прожила в небольшой деревне Волго-Вятского района, дальше райцентра не выезжала, зданий выше церкви никогда не видела, из автотранспорта знала лишь «газик» да грузовики, на которых вывозили урожай. Москва, с ее толпами нарядных людей, асфальтовыми тротуарами, высокими домами и множеством машин, троллейбусов и автобусов, ввергла Надю в состояние шока. Растерянная и обалдевшая, она лишь крепче прижимала к себе фанерный чемоданчик, куда легко уместилось все ее нехитрое имущество, а свободной рукой то и дело ощупывала, на месте ли узелок под кофточкой. В узелке хранилось самое ценное: документы, деньги, огромная сумма – тридцать рублей, и бумажка с адресом старшей сестры Веры. Та вот уже четвертый год жила в столице, работала по лимиту на заводе имени Лихачева и теперь выписала к себе младшую сестренку, обещая пристроить на ЗИЛ и ее. Ну что, спрашивается, ждет ее дома? Грязь, навоз, тяжелая работа от зари до зари, пьяница-муж да полная изба орущих детей. А здесь – Москва! Большая лотерея, в которую все, что угодно, можно выиграть... Именно эти слова впоследствии скажет героиня в известном фильме.

И Надя с головой окунулась в эту суматошную, непонятную, очень непростую, но такую привлекательную и манящую столичную жизнь. Ей, как и тысячам других приезжих, было наплевать на то, что коренные москвичи называют их лимитой и относятся с предубеждением, а нередко и с пренебрежением. Им было не до сантиментов, не до психологических тонкостей. Они выживали и боролись за свое место под столичным солнцем, за счастье, понятие которого у них, разумеется, было тоже свое. Чтобы отдельная жилплощадь, чтобы *все, как у людей*, чтобы дома достаток и уют, символами которого теперь уже были не кружевные салфетки, гора подушек и фигурки слоников на комод, а тюлевые занавески, телевизор и полированная «стенка», куда ставились подписные собрания сочинений с обложками под цвет обоев, разнокалиберный хрусталь и гэдэровский чайный сервиз, а свободные места заполнялись красивыми корбочками из-под духов и купленных по случаю импортных колготок. Искренне веря, что общаются к московской жизни, они не замечали, что на самом деле не столько впитывают в себя столичную культуру, сколько утверждают свою, прихваченную с собой из родного дома. Как говорится, можно вывезти девушку из деревни, но нельзя вывести деревню из девушки. Сколько ни одевайся «по моде», ни делай в парикмахерской причесок и шестимесячных завитков, ни перенимай столичных словечек, но характерный говор родных мест, манера орать в полный голос, переговариваясь через весь двор, дом или трамвай, и привычка лузгать семечки, плюясь шелухой прямо под ноги, на асфальт или на пол, все равно остается.

Именно такой и была Надя. Если она и выделялась чем-то из толпы, то только внешностью – была очень красива. Высокая, статная, с пышными формами, великолепными волосами, зубами и кожей. Зная за собой, что хороша, девушка надеялась, что ее внешность подарит ей дополнительные шансы на удачу. Но так как ума в красивой Надиной голове было совсем немного, надежды привели лишь к тому, что в один совсем не прекрасный день девушка поняла, что беременна. И что срок уже большой, аборт делать поздно.

Конечно, Надя вдоволь порыдала на груди у сестры и подруг, пожаловалась на свою тяжелую долю, на коварного изменщика, который исчез из ее жизни еще раньше, чем она узнала о своем положении. Но делать было нечего – пришлось рожать. Тем более что профсоюз и

руководство цеха посочувствовали ей и без очереди выделили матери-одиночке однокомнатную квартиру в новом доме-башне. Так и появилась на свет Дина Тюлина. Своим именем она была обязана весьма яркой личности тех лет – певцу и актеру Дину Риду, американцу, абсолютно неизвестному у себя на родине, но необычайно популярному в Союзе. Власти СССР любили Дина Риду за левые взгляды и симпатии к социалистическим странам, а женщины – за мужественный имидж и красивую внешность. В семидесятые годы почти в каждой комнате женского общежития со стены сияла белозубая улыбка Дина Риду, знаменитая не меньше, чем за десять-пятнадцать лет до этого – улыбка Гагарина. Надя была счастливой обладательницей пластинки Дина Риду, и песни в исполнении кумира в сочетании с его фотографией на обложке немного развеяли ее тоску во время беременности. Будущая мать мечтала о мальчике, внешне похожем на белозубого красавца-американца, но когда родилась девочка, согласилась с тем, что имя Дина куда удобнее для русского языка и уха, чем мужской его вариант – Дин.

Дина, как и ее мать, рано поняла, что жизнь – это не подарок небес, а арена для постоянной борьбы за выживание. Дома, с мамой она почти не бывала. Сидеть с ребенком было некому, и Надя чуть ли не с первых месяцев после родов отдала дочь в ясли, а сама вернулась на завод. И Дине уже с такого возраста пришлось учиться приспосабливаться к непростой действительности. Не так-то легко суметь обратить на себя внимание воспитательницы и получить то, что хочешь, когда вокруг еще десятка полтора-два таких же, как ты, орущих карапузов...

К старшей группе детского сада Дина была уже почти самостоятельным человеком. Что вызывало у ее друзей по двору, «домашних мальчиков» Димки и Андрюшки, жгучую зависть. Еще бы – у Дины уже имелся свой ключ от квартиры, болтался на веревке на шее, она приходила домой и уходила когда хотела и могла гулять сколько заблагорассудится, хоть дотемна, и где угодно. А их бабушка Лёля тогда держала в строгости, из двора ни ногой и домой по первому зову – днем обедать, а вечером ужинать, мыться и спать. И невдомек братьям было, что Дина сама отчаянно завидует им. Как же ей хотелось, чтобы и ее тоже ждала дома такая вот добрая бабушка, которая гладила бы по голове, называла ласковыми словами, кормила бы пирожками и вкусным супом! Конечно, мальчишки часто притаскивали подружку к себе обедать, и у бабушки Лёли всегда находились для нее и ласка, и теплое слово, и лишний пирожок – но это было совсем, совсем не то!

А еще она мечтала об отце. Папу маленькой Дине хотелось даже больше, чем бабушку. Лучше всего такого, как дядя Коля, Андрюшкин отец, который ездит на большой блестящей машине и носит красивую кожаную куртку на меху. Но можно и такого, как папа Димки, дядя Боря. Он добрый, веселый, всегда играет с детьми и называет их непонятным, но почему-то очень смешным словом «шпингалеты». Да хоть какого-нибудь, лишь бы был папа! Потому что почти у всех есть отцы, а у нее, Динки, нет. Те дяди, которые иногда заходят к ее мамке, не в счет. С горя Динка принималась выдумывать всякие небылицы про своего отца – то он у нее был летчиком, то известным актером, то даже космонавтом...

Дружить с братьями Дине очень нравилось. Особенно с Андреем, который с самого детства казался ей ну просто чудо каким красавчиком. Димка тоже был славный, он вечно придумывал классные игры одна лучше другой, постоянно рассказывал что-то интересное, охотно помогал Динке с уроками и никогда не смеялся над ней и не кричал, как Андрюшка: «Да ладно, ты все врешь!», когда делилась с друзьями очередной своей фантазией. Но при всем при этом Андрей нравился Динке гораздо больше. Вот такой вот парадокс женской психологии.

Хотя, конечно, с точки зрения одиннадцатилетней Дины, оба ее друга были еще совсем детьми, маменькиными сынками. Она в этом возрасте уже моментально умела подсчитать сдачу в магазине, была в курсе, что сколько стоит, умела сама приготовить нехитрый обед и знала, откуда берутся дети и что нужно делать, чтобы их не было. А эти двое даже картошку почистить были не в состоянии, никогда не держали в руках утюга и вообще не имели понятия о многих самых обычных вещах.

Училась Дина посредственно, корпеть над уроками ей никогда не нравилось. Да и зачем? Поступать в институты и становиться какой-нибудь там ученой или инженером она не собиралась. Впрочем, вкалывать на заводе, как мать, тоже не планировала. Ей хотелось красивой жизни, чтобы как в кино, и лучше даже зарубежном. Чтобы машины, море, гостиницы, рестораны, танцы, красивая одежда... Она еще понятия не имела, как этого достичь, но уже дала себе слово, что добьется своей цели во что бы то ни стало.

В подростковом возрасте Динины мечты уже стали приобретать более практичные, более четкие очертания. Она начала задумываться о том, что видела вокруг, и пыталась выводы делать из своих наблюдений. Изредка Дина ездила с матерью к родне в деревню и с ужасом сравнивала тамошнюю жизнь с их московской. Разница была такая же, как между их бытом и тем, что девочка видела в кино. В деревне грязь, уродливая одежда, убогая обстановка, телевизор в доме – за счастье, из развлечений только радио да обшарпанный клуб в соседнем селе, в сельпо на прилавках только спиртное, сигареты да макаронные изделия. Какое счастье, что мать сумела в свое время вырваться отсюда! Иначе жить бы Динке в этом убожестве, вставать до свету, возиться со скотиной, птицей да в огороде... Бр-р, подумать страшно!

– Эх, парни, вы хоть осознаете, каким сокровищем мы обладаем? – спросила как-то однажды Дина у своих друзей, когда они вечером сидели в беседке.

– Это каким же? – заинтересованно воззрились на нее оба брата.

– Мы ведь в Москве живем! А значит, уже при рождении вытянули призовой билетик! – пояснила она, сама не замечая того, что повторяет, только другими словами, мысль, которую постоянно внушала ей мать. – Тут перед нами все пути открыты, не то что в какой-нибудь деревне...

Вздыхнув от избытка чувств, она подняла глаза к небу, точнее, к дощатому потолку беседки, а когда снова опустила взгляд, то увидела полное недоумение на лицах своих приятелей. Им, коренным москвичам, было не понять ее, дочку лимитчицы...

Дина рано созрела как женщина и быстро поняла, что из такой эффектной, как у нее, внешности не только можно, но и нужно извлекать максимальную пользу. В четырнадцать лет у нее случился первый в жизни роман. Избранником Дины стал десятиклассник по имени Саша. Он был законченным придурком, беспросветным троечником, к тому же неуклюжим, полноватым, прыщавым и совершенно не симпатичным. Но зато его отец имел солидный государственный чин и такой же солидный доход. Дина усердно обхаживала Сашку, а он по своей подростковой наивности был стопроцентно уверен в искренности ее чувств. Он дарил ей подарки, водил в кафе и кино, даже не подозревая о том, что за его спиной Дина рассказывает своим подружкам о том, какой он, Сашка, мерзкий, глупый и скучный и как противно ей целоваться с ним даже в щечку. Подружки слушали и качали головами. Кто-то осуждал Динку, кто-то сочувствовал, кто-то завидовал. А одна из них взяла да и отбила кавалера. Впрочем, Дина особенно даже не расстроилась, но вывод для себя сделала – никому нельзя доверять. А уж болтать направо и налево о том, что происходит у тебя в жизни, тем более если происходит что-то хорошее, и вовсе не стоит. Лучше поступить наоборот – взять и наврать с три короба. Это у нее всегда хорошо получалось.

Привыкнув ходить с Сашкой по ресторанам и барам, Динка первое время продолжала делать это и без него – одна. Почти не выпивала – ей не нравился вкус спиртного, но любила с удовольствием поесть, послушать хорошую музыку и вдоволь потанцевать. Денег на такие развлечения у нее, конечно, не имелось, но это не становилось проблемой – каждый раз, когда она отправлялась куда-нибудь, в зале обязательно находился человек, часто уже солидный, в возрасте, который был совсем не прочь познакомиться с хорошенькой девушкой, составить ей компанию и оплатить ее счет. В большинстве случаев такие знакомства заканчивались той же ночью или наутро, но Динку это не заботило, поскольку кавалеры попадались щедрые, не только платили за ее еду и коктейли, но и давали ей после «свидания» у них дома, в машине,

а иногда и просто в ближайших кустах деньги – три, пять, а случалось, и десять рублей. И с поклонниками Динке везло. Только однажды она нарвалась на кавказца, который потребовал от нее не обычного секса, а всяких гадостей, а когда Динка возмущенно отказалась, чуть не прибил, еле ноги унесла. А так все обходилось – до тех пор, пока Динка не столкнулась в баре на Тверской, где ни разу до этого не была, с профессиональными проститутками. Путаны, как их тогда называли, не стали церемониться с конкуренткой и отлупили Динку так, что пришлось даже обращаться в больницу. После этого Дина немного попритихла. Вступать в «профсоюз» этих девок Дине не хотелось – она не считала себя проституткой и искренне обиделась бы, если б кто-то так ее назвал, а действовать в одиночку, как она поняла, было небезопасно. Так что Динка зализывала раны в прямом и переносном смысле, приходила в себя и ждала, что будет дальше. А дальше судьба подарила ей роман с Андреем Куликовым – видимо, в качестве компенсации за пережитые мытарства.

Андрей ей давно нравился, и, когда у них все закрутилось, Динка легко убедила себя, что любит его. Во всяком случае, он был первым в ее жизни мужчиной, с которым Дина занималась сексом с удовольствием, а не отрабатывая деньги, которые были на нее потрачены. И первое время, несколько недель, она была совершенно счастлива. А потом Андрюшка сильно изменился. Точнее, не изменился, а перестал быть игривым и нежным и снова сделался прежним, как в детстве, вредным и язвительным.

– Слушай, ну ты и деревня! – восклицал он каждый раз, когда Динка не понимала, о чем он говорит, или не знала значения какого-то слова. – И как это я раньше не замечал, что ты такое село непролазное? И что это он в тебе нашел?

– Кто? – недоумевала Дина. – О ком ты говоришь?

– Да Димка! Интеллектуал хренов! Строит из себя профессора, а сохнет по тебе – лимите, которая двух слов связать не может. Даром бы он с тобой в койке побывал, я бы его еще понял, в койке ты ничего...

Другая девушка на ее месте обиделась бы не на шутку, да и прекратила бы даже разговаривать с таким хамом. Но Дина любила Андрея (или думала, что любит) и так хотела быть вместе с ним, что прощала ему все. Даже вот такие высказывания в свой адрес. Что касается Димы... Конечно, она давно знала, что он в нее влюблен (девчонки быстро догадываются о таких вещах), и держала этот вариант про запас. Димка – отличный парень, за таких хорошо замуж выходить. Вот только семья у него небогатая, а значит, на красивую жизнь с таким мужем рассчитывать не приходится.

Так что Дина мужественно терпела издевательства Андрея, но это не помогло. Вскоре он все равно бросил ее, перестал звонить и подходить к телефону, а когда она подкараулила его у подъезда, чтобы выяснить отношения, очень холодно и не слишком вежливо попросил навсегда забыть о его существовании. Тогда Динка впервые в жизни по-настоящему страдала. До Андрея она считала себя сильной, закаленной трудной судьбой особой, как говорилось в стихах, которые почему-то остались в памяти и после школы: «Ничто нас в жизни не может вышибить из седла». А вот поди ж ты, вышибло, да еще как! Сколько слез она тогда пролила, страшно вспомнить. Какое счастье, что рядом был Димка, который так хорошо успокаивал, утешал, поддерживал. Динка уже совсем было решила замутить с ним – вроде как в благодарность, но тут на ее горизонте возник более интересный объект, хозяин недавно открывшейся на углу кооперативной палатки, и Дима был отодвинут в сторону.

После восьмого класса Дина подумывала о торговом техникуме, но поступить туда не получилось, пришлось идти в швейную «путягу», которую она с грехом пополам закончила, но не проработала по полученной специальности ни дня. На тот момент жизнь в стране круто переменялась, открывая гражданам новые возможности, в частности – возможность свободной торговли. Разного рода кооперативные лавочки, палатки и точки открывались на каждом шагу, и не воспользоваться таким шансом было просто грех. Торговали всем подряд, а так как

отечественных товаров не хватало, да и качество их оставляло желать лучшего, то в Россию потек импорт. У тех товаров тоже частенько качество было не на высоте, а то и хуже, а подчас и гораздо хуже – зато все было красивое, яркое, модное, с бросающимися в глаза эффектными наклейками и лейблами зарубежных производителей. И народ, уставший от постоянного дефицита и тусклой массы отечественной продукции, кинулся покупать все без разбору.

Сразу после окончания училища все девчонки с Динкиного курса начали так-сяк при-торговывать чем-то – кто-то устроился в палатку, кто-то нашел работу на оптовом вещевом или продуктовом рынке. А Наташке, Дининой ближайшей подружке, повезло больше всех – она стала сама ездить в Турцию за товаром.

– Ну и как там? – с придыханием спрашивала ее по возвращении Динка. Тогда для нее вся «заграница», без деления на страны, была чем-то особенным, частью красивой жизни, о которой она так мечтала. Нет, Динка, конечно, понимала, что ее вожаденная «Америка» и Турция чем-то различаются... Но особенно не вникала, чем именно. Для нее в ту пору съездить в любую другую страну означало приобщиться к небожителям, ничуть не меньше. И тем удивительнее была реакция подруги.

– Да ничего особенного, – махнула рукой та. – Вроде как у нас на Кавказе. Жарко! Впрочем, я, честно сказать, толком ничего там и не видела. Приехала на место, забрала товар – и до дома, до хаты.

Динку такой рассказ не удовлетворил. На Кавказе она никогда не была, сравнивать было не с чем – но зато имелось в наличии богатое живое воображение. Которое тут же начало рисовать радужные картины – синее море, скользящие по волнам белоснежные яхты, смуглые красавцы с ослепительными улыбками... Замечтавшись, она даже не услышала, что предлагает ей подружка.

– Чего-чего?

– Я говорю: хочешь, в следующий раз поедем вместе? Валентине Федоровне, ну, хозяйке нашей, люди нужны, я точно знаю!

Хотела ли этого Дина? Да еще как! Можно было и не спрашивать.

– Вот только как же я с ними, ну, с этими турками, разговаривать буду? – засомневалась она. – Я ведь их языка не знаю.

Все познания Дины в турецком языке начинались и заканчивались детской считалкой «чай пили, чашки били, по-турецки говорили».

– Можно подумать, я знаю! – хохотнула Наташка. – Ничего, не дрейфь, объяснишься как-нибудь.

Конечно, поездка Дину во многом разочаровала. Ехали на закупки целой толпой, но не полетели на шикарном самолете, как представлялось в мечтах девушке, а добирались морем – так было дешевле. Долго тряслись в душном и дребезжащем плацкартном вагоне до порта, потом столь же долго оформляли в порту документы и ждали отплытия судна. И судно это совсем не было похоже на киношные корабли, так, жалкая ржавая посудина, которую, как щепку, болтало на волнах из стороны в сторону. И в море, как оказалось, тоже не было ничего романтического – одна только бесконечная серая вода до горизонта... Счастье еще, что у Динки оказался крепкий организм и ее не укачивало, потому что многих менее стойких попутчиков (а народу на суденышке было больше, чем достаточно, и все ехали за товаром) при малейшей качке выворачивало наизнанку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.